

DIGITAL BOOK

МИРЫ АРТЁМА КАМЕНИСТОГО
S-T-I-K-S

**КАТЭР ВЭЙ
ФИЛАНТ**

ИДДК

S-T-I-K-S

Катэр Вэй

S-T-I-K-S. Филант. Книга 3

«ИДДК»

2018

Вэй К.

S-T-I-K-S. Филант. Книга 3 / К. Вэй — «ИДДК», 2018 — (S-T-I-K-S)

«Филант» – фантастический роман Катэр Вэй по миру Артёма Каменистого «S-T-I-K-S». Продолжение романов «Мечты сбываются» и «Охота на скреббера». Содержит нецензурную брань.

© Вэй К., 2018

© ИДДК, 2018

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	28
Глава 4	40
Глава 5	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Катэр Вэй

Миры Артёма Каменистого.

S-T-I-K-S. Филант. Книга 3

Пролог

Четырнадцать дней назад, где-то на границе у болот.

Проснулся Взрывник весь в холодном поту. Сердце колотилось о грудную клетку, норовя пробить её и ускакать в лес.

Мальчик окинул взглядом их маленький лагерь.

Под боком тихонько сопела Алёна, нормальная, живая, совсем не зомби, какой она только что ему привиделась во сне.

Взрывник судорожно выдохнул и перевёл взгляд на Дока, который спал сидя, привалившись спиной к дереву, с топором в руках. Это он так на дежурстве?

Подходить близко было страшно, но, чтобы убедиться, что и с Доком всё в порядке и это лишь дурной сон, страх пришлось пересилить.

Мальчик аккуратно встал, чтобы не потревожить сон подружки и, стараясь не шуметь сухими веточками, попадающимися под ногами, медленно подошёл к спящему мужчине и всмотрелся в лицо.

«Нет, всё в порядке, нормальное спящее лицо» – подумал взволнованный страшным сном ребёнок.

Чувство облегчения прошло по всему телу и отразилось на мочевом пузыре. Утерев тыльной стороной руки нос, Взрывник огляделся и, выбрав направление, двинулся по нужде.

«Я же говорил: уснёт. Всю ночь сидеть тяжело, тем более, мы все так устали. Ничего, пусть спит, теперь я покараую» – думал мальчик, поливая ствол дерева, пока на глаза ему не попала странная светящаяся тусклой зеленью штука неподалеку.

Застегнув штаны, он отправился поглядеть на светящийся предмет. В воздухе ощущался странный, знакомый запах химической кислоты. Под ногами, у самой земли стелилась туманная дымка...

– Ой! – прошептал Взрывник. – Так это же перезагрузка! – И, повернувшись, побежал, вроде бы, назад.

Он всё бежал и бежал, не разбирая дороги, а туман не кончался, он поднялся уже выше колен, и паника захлестнула сознание: «Не успею! Где же конец этого кластера!?». В глазах помутнело, дыхание сбилось и, уже хрипя, словно загнанный конь, хватая ртом воздух, Взрывник в очередной раз шлёпнулся, запнувшись о корень и больше не встал. Мальчик лежал на животе, раскинув руки, уткнувшись правой стороной лица в жидкую грязь, носом пускал пузыри.

– Гы-ы-ы! – Внезапно заржал незнакомый голос, смутно воспринимающийся отплывающим сознанием. – Гля! Точно лягух в луже булькает! А ну, гамбузия, иди сюда. – Взрывника кто-то поднял за шкурку, словно котёнка. – И откуда ты у нас такой оборвыш взялся? – хохотнул бородатый мужик, лицо которого мальчик видел очень расплывчато.

– Куда его? На мясо? – поинтересовался весело второй голос, очень противный и скрипучий.

– Смейшься, какое из него мясо?! Мороки больше, чем навара. Ты глянь, кожа да кости, да ещё и свежак совсем. От него кисляком несёт за три километра, не чувствуешь что ли?!

– Вон там токо что кластер грузанулся. Он, вроде же, с той стороны выбежал? – обозначился третий голос. – Тебя как звать? Ты один?

Взрывник сначала хотел сказать им, что потерялся и надо найти его друзей, но, услышав про мясо и навар, передумал. Если уж его и сожрут, то хоть одного, а Док с Алёнкой останутся в безопасности.

– Ну! Живо отвечай, Гамбузия! – Взрывника потрянули так, что чуть мозги не вылетели из ушей.

– Ы-ы-ы-м-мы-ы-ууу, – выдавил из пересохшего горла малец.

– Ты чего, немой что ли?! – потрянули его снова, но уже не так сильно.

Взрывник кивнул. Зачем он это сделал – и сам не понял.

– Базиль, да сверни ты ему шею и пошли. Нам ещё шкандылять чёрт-те сколько, а ты с заморышем этим возишься, – раздражённо сказал противный, скрипучий голос.

– Успею свернуть, – буркнул бородатый и, наконец, поставил мальчишку на землю. – Ну-ка, глянь на меня, – взял он Взрывника за подбородок и внимательно посмотрел в глаза. – Будешь меня слушать – будешь жить, понял?

Мальчик моргнул в знак согласия.

– Ну, тогда пошли, и смотри мне – без шуточек, иначе шкуру с тебя сниму живьём... в прямом смысле. Всосал, Гамбузия?! – И хохотнув, подпихнул мальчонку в спину. – Шагай, давай.

Невысокий, шуплый мужик с козлиной бородкой зло посмотрел на бородатого здоровяка, но промолчал и, только раздражённо плюнув себе под ноги, быстро зашагал вперёд.

Глава 1

– Ну, так чего решаем? Какой вариант выберем? – устало вздохнул Прапор и опёрся подбородком о кулак.

– Ну, явно не первый. Таскаться всю дорогу с этой ноющей толпой, да ещё и в топях – нет уж, увольте. Это вообще не стоило рассматривать, как вариант. – Ответил Кир. – Лично я думаю, что лучше в лесу лагерь устроить и там посидеть недельку с ними, пока мы смотаемся на остров тот и к Герману, а потом все вместе домой спокойно поедem. За это время у раненых наших конечности отрастать начнут, и дорога им не такая тяжкая будет. Место только найти нужно подходящее, где отсидеться, или долгий кластер, или, в идеале: стаб, маленький треугольник к примеру, вообще было бы замечательно, а то с нашим везением в последнее время обязательно на неожиданную перезагрузку попадём среди ночи. – Кир грустно усмехнулся.

– Чем тебе наша фарта не нравится? – поднял бровь Прапор.

– Да через жопу у нас всё, не заметил?

– Да и хрен с ним, что через жопу! До поставленной цели мы доходим? Доходим! Все живы, ну, и почти целы! – глянул на Лешего, – а по прямой мы идём или зигзагами скакать приходится, это уже дело десятое. Так что, нормально у нас с фартой всё, не наговаривай зазря. И чего с этим прибытком делать тоже придумаем, не нервничай только. «Прибытком», заметь Кир, а не с убытками. Даже, если мы их всего пятерых до стаба доведём, то, всё равно, с прибытком приедem. Ты понимаешь, о чём я тебе говорю сейчас? – Прапор уставился с прищуром на Кира, который развалился в раскладном пляжном кресле с видом полного пофигизма.

Слушая их разговор, я не сразу обратил внимание на внутренний призыв Умника, и вообще, что это именно призыв, я тоже не сразу сообразил. С этим новым подарком Стикса я столкнулся сейчас впервые.

Когда до меня наконец дошло, я подошёл к другу сообщить, что «слышу» его и узнать, чего он хотел.

Новость повергла меня в полную растерянность.

– Док, кажется, у меня не будет новой лапы, – сказал мне Умник, – я не чувствую её роста, а уже давно пора бы, сутки прошли. Мы восстанавливаемся намного быстрее людей, и лапа должна была уже начать расти, но никаких изменений. Смотри, даже не зажила ещё, а это вообще нереально, за сутки-то! – Мутант был не на шутку озабочен и взволнован.

Осмотрев Умника, я убедился в правоте его слов. Рана заживала, но совершенно обычно по земным меркам.

– Как у Высшего дела с его ранами? – задал он вопрос, который заставил меня очень сильно занервничать. Я понял, если такая же картина и у Лешего, то, кажется, у нас очень серьёзные проблемы. Перевязку ему делал Фома, весь день он ехал в другой машине, потом ели и обсуждали планы, так что пока было не до осмотра. Ничего не ответив Умнику, я быстрым шагом направился к нашей стайке мыслителей, по пути захватив из машины медицинскую сумку.

– Леший, тебе перевязку сделать надо, – сказал я, подходя и, видимо, выдал себя голосом. Все резко замолчали и уставились на меня.

– Делай, раз надо, – Леший смотрел на меня немигающим взглядом, в котором читался вопрос.

Не обращая ни на кого внимания, я снял бинты и замер. Раны слегка кровили. Да, они были чистые, ни следа воспаления, но и никакой чудесной регенерации тоже не было, обычные культы со следами вчерашней ампутации. Слегка стянутая кетгутом кожа и свежее мясо под тонкой коркой. Прапор превратился в шарпея, так задрал брови на лоб, что вся лысина, до

самого затылка собралась в гармошку. У остальных вид был не лучше. Один Леший не сильно удивился, внешне.

– А я то и думаю, чего оно так, собака, болит, – сказал он совершенно спокойно, рассматривая свои обрубки. – Что с Умником? Та же песня?

Я кивнул.

– Одна-а-ако... – протянул он задумчиво, разглядывая свои обрубки.

– Если до утра никаких изменений в лучшую сторону не произойдёт, то придётся вас обоих оперировать, – заключил я после осмотра.

– Зачем это? – напрягся Прапор.

– Затем, чтобы культю правильно сформировать, пока не поздно, – ответил я.

– Думаешь, понадобится? – обошёл прямой вопрос Леший.

– Не знаю... надеюсь – нет, но вдруг... срезать никогда не поздно, – я тоже не стал называть очевидные вещи своими именами, будто боялся, что произнеси я вслух: «Леший, ты, вероятно, останешься без ног на всю жизнь» – я совершу что-то ужасное и непоправимое.

– Ну, вот, други, вопрос и решился сам собою, – ухмыльнулся в бороду Леший. – С малой силой, при двух подранках да с толпой свежего мяса – в дальний путь, пока что, лучше не соваться. Переждать надобно, найти спрятанку понадежнее и обождать, покуда вы не вертаетесь, а далее – полным составом и до дому. Я-то на Умника надеялся, сопровождает – ни один мутант не сунется, а какой из него сейчас провожатый? Дай Стикс ему силы, хоть прокорм себе самостоятельный обеспечить, а то тяжко нам придётся, если ещё и он на кошт встанет. Док, ты бы разослал орлов наших бестелесных, пускай пошукуют трохи, глядишь, к утру чего и сыщется интересное.

Я кивнул и, закончив перевязку, принялся исполнять приказ командира.

Около полутора суток спустя.

– И откуда они тут взялись? – раздражённым шёпотом спросил Прапор

– А мне почём знать? – в такой же манере ответил Кир.

– Вот же ж, чёрт драный, занесла нелёгкая! – Прапор зло сплюнул в пыль, оставив влажную вмятину.

– Пересидим? – поинтересовался Торос, выглядывая из-за стены.

– Да хрен мы пересидим, вон, засутились уже, значит, срисовали нас. Готовсь к бою! – скомандовал Прапор, приводя своё оружие в боевую готовность и занимая удобную позицию для стрельбы.

– Хочешь сделать что-то быстро – не спеши! Вот золотое правило, которое мы нарушили.

В погоне за временем решили не объезжать попавшийся на пути затяжной кластер с полуразрушенным куском мегаполиса, где, по идее, уже и воронья не осталось, не то что мутантов. Крайняя перезагрузка произошла настолько давно, что в асфальте проросли приличного размера деревья, в машинах – кустарники, а на домах обвалилась не только краска со штукатуркой, но и сами стены, оголив внутренности конструкций. Огромные горы из разного мусора от рассыпавшихся домов постоянно преграждали дорогу нашей машине, в итоге пришлось вылезти и пешком разведать более удобный проезд.

– Не понял?! Что за... – удивлённо прошипел Прапор.

Я осторожно выглянул из-за его плеча и замер в удивлении: на улице, среди полуразрушенных домов разворачивался бой, но не с нами.

Люди в чёрной форме передвигались короткими перебежками от укрытия к укрытию, прикрывали друг друга плотным огнём; работали очень чётко и слаженно. То, что это профессионалы, не вызывало никаких сомнений.

Их противник явно был обескуражен столь плотным натиском, но сдаваться не соби-
рался, активно огрызаясь со своих позиций. Они умело использовали в качестве укрытий
любые предметы и дефекты рельефа, и то и дело контратаковали, стараясь разбить бой на
локальные стычки и лишить бойцов в чёрной форме тактической инициативы.

– Влево ползи, вон в той яме пристройся, – прошептал мне Прапор. – Торос! Прикроешь
правый фланг. Да приглядывай за развалинами, мало ли, вынесет кого оттуда.

Перекатившись в указанном направлении и заняв своё место, я увидел четыре фигуры в
пятнистой униформе, которые перебежками отходили вглубь двора, хладнокровно сдержи-
вая натиск превосходящих сил противника.

– Назад, братцы, назад, – изучив из укрытия оперативную обстановку, Прапор попятился,
заталкивая Кира в узкий коридор ближайшего здания, и поднял автомат, готовясь прикрывать
отход. – Это не наша войнушка, ходу отсюда, – махнул он мне головой, приказывая выползть
из укрытия и двигаться в его направлении.

Очень жаль, что Муха отправился в сольную разведку. Он стал слишком быстрым, и наша
компания его бы только задерживала, но как бы сейчас пригодился его купол невидимости.

Пробежав быстро по небольшому коридору какого-то здания, мы выскочили на совер-
шенно другую улицу, но и тут кипел нешуточный бой. Прижавшись спиной к стене, Прапор
выглянул за угол дома и рукой показал бежать до перевёрнутого набок, ржавого автобуса.
Дальше мы уже из бегунов превратились в пластунов и долгие двадцать минут утонули в пы-
льных улицах своими брюхами, проворно перебирая руками. Пригнув голову и стараясь не выпя-
чивать зад, очень не хотелось бы получить туда шальной пулей, я полз от укрытия к укрытию,
килограммами глотая едкую пыль. Горло драло, глаза слезились, сильно хотелось чихнуть и,
чтобы этого избежать, я периодически тёр до боли нос.

Выйдя на финишную прямую, когда до конца квартала нам оставались несчастных два-
дцать метров, из пролома соседнего дома выскочили четыре бойца в чёрной форме и, вроде бы
не замечая нас, бросились в нашу сторону. Кир перекатился за близстоящую машину, вскинул
автомат, готовый стрелять, но ждал дальнейших действий бойцов, не спеша показывать своё
присутствие.

Заметив боковым зрением движение слева, я, быстрее заработав локтями и ногами, зава-
лился за соседнюю с Киром машину и тоже поднял вверх дулом свою винтовку, готовый к бою.
Переглянулись с Киром, он показал на пальцах расположение и количество бойцов. Тороса
и Прапора потерял из вида. Услышав характерный звук сорванной чеки – кажется, нас срисо-
вали, я подскочил с места и рыбкой нырнул в витринный проём, зияющий осколками стекла,
как чудовище – зубами, прижался всем телом к полу, стараясь укрыться за полуметровым
выступом. Мог бы сигануть и к Киру под купол, но сюда мне показалось правильное, с точки
зрения стратегии. Все эти мысли промелькнули в голове в считанные секунды. Тут же прогре-
мел взрыв, за ним ещё один, и началась пальба уже между нами и неизвестными бойцами в
чёрном. Сбив дулом винтовки торчащие куски стёкол, я залёг на позицию, но цели пока не
видел. Очень неудобное место, нужно срочно менять дислокацию. Оглядевшись, плюхнулся
на живот, пополз в нужном направлении, плотно прижимаясь к полу. Вот где мне пригоди-
лись мои наручи: битого стекла и мелкого бетонного крошева хватало с избытком, все руки
бы изранил. Добравшись до относительно безопасного места, поднялся и уже бегом рванул к
лестнице, ведущей на второй этаж.

Отсюда мне было видно всё!

Я взял в прицел дальнего от меня боевика, который вынул гранату. Затаив дыхание,
плавно выжал курок, получив уже давно привычную отдачу в плечо. Боец двинулся, и вместо
головы я попал в горло. Перебив позвоночник, пуля улетела дальше. Пальцы парня разжались,
выпустив гранату на свои ноги, в другой руке была зажата чека. Не дожидаясь взрыва, я перевёл
прицел на второго и, кажется, последнего, который длинными очередями буквально поливал

свинцом моих товарищей, не давая высунуть тем и носа, пятился к открытому входу некогда жилого дома.

Первый выстрел выбил фонтанчик пыли прямо у его ноги. Человек в форме вскинул вверх голову вместе с дулом своего автомата. Справа жажнула граната его товарища. Поправка прицела, я взял чуть выше и попал чётко в глаз, разворотив затылок с чавкающим звуком, окрасив стену за его спиной, в то же мгновение почувствовал ощутимый толчок в левое плечо. Рука тут же онемела. Шаря взглядом по округе, проверяя наличие очередного врага, включил свой скан. Вблизи от нас никого – пусто. А вот за домом напротив меня ощутил человек двадцать, да и стрельба слышалась отчётливо. Кровавое пятно вновь привлекло моё внимание, и в голове всплыл психологический тест: – «Что вы видите на этой картинке?» – Я усмехнулся, – «Бабочку, бя!».

Услышав условный звук, заглянул вниз, под окно, и чуть не вскрикнул от пронзительной боли в плече и груди.

Кир махнул рукой, мол, идём дальше.

Затянув специальный шнурок на рукаве (вшивают в форму, как раз для таких случаев), я спустился к друзьям. Все живы и почти целы. У Прапора кровила лысина, но несильно, видать, мелкими осколками посеколо, а Торос то и дело вытирал рассечённую бровь, кровь от которой заливала глаз, мешая полноценному обзору.

– Что? – кивнул Кир на мою руку.

– Не знаю пока, но, вероятно, сквозное.

– Ходу, ходу, потом раны зализывать будем! – сказал Прапор громким шёпотом и кивнул, призывая нас к дальнейшему передвижению.

Наконец-то, выскочив к нашему «Комбату», выдохнули с облегчением, найдя его в целостности и полном одиночестве. Влетели в салон и рванули назад подальше от чужих разборок. У них свои проблемы, а у нас свои, и впрягаться, рисковать жизнью, помогая непонятно кому, ни у одного из нас и мысли не возникло.

Отъехав достаточно далеко, так, что даже выстрелов слышно не было, остановились в ожидании Мухи, тем временем я занялся врачеванием ран.

– Да тише ты, эскулап хренов! – шипел от боли Торос, которому я шил бровь. – Смотрю, ты у Армана уроки по пыткам брал?

– Брал-брал, сиди смирно, не дрыгайся... всё, готово. Красава! – усмехнулся я, глядя на несчастного Тороса. Он скривил от боли физиономию с большущим, набирающим насыщенный цвет фингалом. Пострадавший глаз почти закрылся от опухоли.

– Не лапай! – одёрнул я его руку, которая уже было потянулась к свежей ране. – Ща пластырем заклею, и свободен.

– Прапор, – обратился я ко второму подбитому, – давай лысину сюда, гляну, мозг не задело?

– Шутник! – иронично хмыкнул Прапор и уселся на пластиковый ящик.

Себя я подлатал в первую очередь. Ранение сквозное, но кости целы, так что мне сильно повезло. Кир, благодаря своей защите, остался совершенно невредим и сейчас торчал на крыше нашего «Комбата», осматривая окрестности.

– На, на память. – положил я на ладонь Прапора сантиметровый кусок железа. – В кость зашёл, ещё немного и...

– Но не пробило же?

– Не, не пробило.

– Ну, и хер на него, живы будем, не помрём, – хмыкнув, дёрнул он щекой. – Штопай давай, да поехали. Вон, идёт альбинос наш. Интересно, чего это у него такая рожа довольная?

– Скреббершу нашёл, – хихикнул Торос.

– Я всё слышу, – раздалось в гарнитуре. – Чего расселись, ночь скоро. – Муха, с ходу запрыгнув в машину, развалился на одном из задних кресел.

Вид у него и вправду был очень счастливый.

* * *

Унылые улицы, поросшие зеленью и укрытые обрушенными временем, без реноваций строениями потянулись дальше.

– Вот же ж, чёрт! – зло стукнул Прапор по рулю ладонью.

Наш маршрут упёрся в широченный, четырёхполосный мост, край которого потерял опору, погрузившись в воду. Обрушился сам или кто помог, нам никакой разницы не было, факт на лицо: проезда нет.

– Замечательно! Просто замечательно, – буркнул Кир себе под нос.

– И чё делать будем? – Выглянул Торос из-за плеча Прапора, облокотившись на спинку водительского сидения.

– Пешком поплывём! – ответил Прапор с раздражением.

– Эх, ща бы ту машинку, – мечтательно вздохнул Торос, – которые у тех чуваков были, помните их командира, который ещё в шмотках кирдовских ходил?

– А, Шатун что ли? – вспомнил я имя командира той группы.

– Ага, точно, он. Вот интересная конструкция, нам бы сейчас такая ох как пригодилась бы, – продолжил мечтательно вздыхать Торос.

– А бы да кабы, лучше бы карту где нашли, а то ща думай, в какую сторону рулить. – буркнул Прапор, осматриваясь по сторонам.

– Ты, думаешь, тут бумага могла выжить? – усмехнулся Кир, – оглянись! – показал он рукой в окно, где буйствовали тлен, разруха и ядовитая зелень. Достал из кармана старую немецкую монету и, подбросив её в воздух, поймал и зажал в кулаке, глянул на Прапора и хитро так прищурился.

– Ну, давай уже, показывай, – сказал Прапор, хмыкнув.

– Орёл!

– Ну, орёл, так орёл. – и повернул руль вправо.

Видимо, действие с монетой происходило далеко не впервые, и старинные друзья очень хорошо знали правила этой «игры».

– Река, это плохо, – вздохнул Торос.

Мы с ним сидели сзади, наблюдая за округой сквозь небольшие окна.

– Гнилое всё в этом городе, и мосты все сгнили давно. Где гарантия, что очередной не провалится под нашей машиной? Знали бы, что тут река, вообще бы не сунулись. – Ворчал Торос себе под нос, заметно нервничая.

– Харе там жути нагонять, – крикнул сидящий за рулём Прапор. – Раскаркался!

– Курить охота, – вздохнул я, с сожалением глядя на мёртвый город, – этот пейзаж наводит жуткую тоску.

Муха расплылся в улыбке. Мы с Торосом с недоумением на него покосились.

– Чего? – спросил я

– Да так, просто.

– Просто даже мухи не... – и, осёкшись на полуслове, глянул на белого товарища и заржал. Торос, слегка улыбнувшись, покачал головой.

– Психи, – сказал он и отвернулся обратно к окну.

На этот раз мост оказался вполне цел и даже почти со всеми опорами, но не такой широкий.

Изначально прошлись по нему пешочком, чуть ли не обнюхивая со всех сторон, и только потом решились проехать.

Откатившись назад метров на триста, Прапор врубил первую скорость, «дёргая» коробку передач и разгоняя броневик настолько, насколько это было возможно.

– Да храни нас Стикс! – рявкнул наш водила и влетел на мост, который жалобно заскрипел, начал проседать и крениться набок.

Скелет металлоконструкции складывался как карточный домик, машина неслась снарядом, выпущенным из пушки, проминая под собой хлипкое покрытие. Этот мост являл собой достаточно узкую двухполосную дорогу с огромными дырами осыпавшегося бетона, словно его пожрала гигантская моль. Вылетев на твёрдую землю, машина пронеслась ещё метров сто и затормозила. Гробовая тишина в салоне нарушалась лишь скрежетом, грохотом и всплесками воды, доносившимися с улицы.

– Прапор, ты, конечно, отличный водитель... но деби-и-и-ил! – высказался Кир. – Не, я лучше на лыжах по асфальту, чем с тобой за рулём!

Торос нервно хихикнул:

– На лыжах, ага, хи-хи-хи, и по асфальту! У-у-у-ва, ха-ха!

Мы с Мухой тоже нервно посмеивались и косились в окно на разрушающейся мост. Холодок пробежал по спине, предательски мелко задрожали руки, которые я тут же зажал между колен, чтобы скрыть этот конфуз.

Прапор лишь икнул и повёл правым плечом, крикнув. Жаль, лица его мне видно не было.

Кир плотно приложился к фляге с живцом, заразив нас всех своим примером. Нахлебавшись вдоволь терпкого алкогольного пойла и немного успокоившись, вылезли из машины, чтобы внимательнее разглядеть, какое безумство мы только что совершили.

– Мда... – провёл я ладонью по коротким волосам, глядя вниз на бурлящий мутный поток воды.

– Ага, метров двадцать есть, хорошо бы так полетали.

– Бульк! – хмыкнул Муха и пнул носком ботинка каменюку, которая, описав дугу, булькнула в реку.

– Поглядели? – раздался из-за моей спины голос Кира. – Поехали, закат скоро!

Сутки назад. Воспоминания...

Призраки нашли среди лесных кластеров небольшой стабильный треугольник, жаль не остров в воде, но все же лучше, чем простой, с перезагрузками. Место глубокое, глухое, добираться пришлось пешком, взяв из машин самое необходимое. Лешего нёс Умник, хоть и сам хромал на трёх лапах, но Высшего удержать на спине вполне был способен. Благодаря этому освободились два Силача из трёх оставшихся, а три Силача – это намного больше, чем один. Муху, Прапора и Кира навьючили тюками так, что виднелись только ноги. Как они видели дорогу и не спотыкались при каждом шаге – для меня загадка. Каждый хоть что-то нес, даже дети старше трёх лет, хотя, маленькая Амелия, которая жалела доброго «азякина», идя рядом с одной из женщин, мать девочки оказалась «серой», тоже несла в руках какой-то свёрточек.

Весь путь я регулярно включал скан так же, как и Кир свой, призраки всем составом метались по округе, наблюдая за подступами. Случись появиться хоть кому-то на расстоянии нескольких километров крупнее зайца, я тут же об этом узнаю и, по тревоге, примем решение: бежать или воевать. Но, слава Стиксу, дорога прошла спокойно. Мы забрались в такую глушь, что даже случайно туда сложно попасть. Люди шли спокойно, не ныли и не роптали о нарушении их прав и использовании в качестве грузовых ослов. Они даже не спрашивали, куда и зачем мы идём, просто брели бездумной обречённой толпой, почти все. Сильно выделялся бодрый дедок, который словно воспрянул духом и старался объять необъятное и утащить неподъём-

ное, плотно присев с расспросами об этом мире и о его бонусах на уши несчастного Тороса, который решил схитрить и прибавил скорости шагу в надежде, что дед быстро выдохнется, не выдержав темпа. Но, дедок шустро перебирал ногами, даже не запыхался, несмотря на тяжесть ноши, и всё восхищался, как прекрасно он себя чувствует, словно сорок лет скинул.

Фома, поглядывая на кислое выражение лица товарища, иногда посмеивался и подкалывал того, напоминая о сострадании, понимании и толерантности.

Второй яркой фигурой в толпе была высокая ширококостная женщина, лет тридцати, с большим животом. Срок её беременности уже подходил к концу, но ей повезло несказанно оказаться самой иммунной и носить в себе такого же ребёнка. Крупная женщина, с крупными чертами лица, даже немного грубоватыми, с длинной, толстой русой косой ниже пояса очень напоминала русских деревенских баб из времён стародавних. На картинках в книгах таких часто видел. На вид гром баба и на характер такая же. Толковая, в общем, такая в Улье выживет.

Наташа, мать близнецов, оказалась не ошибочным вложением. И она, и оба её отпрыска, которым, как выяснилось, ещё и девяти лет нет, были очень сообразительными и боевыми, к тому же все трое уже с активными дарами. К ним прибился ещё один мальчонка, лет двенадцати, тот самый «работник», который вместе с товарищем всё рвался помогать взрослым. Товарищ его погиб, а вот его Наташа успела ухватить за шкирку и удержать около себя вместе со своими детьми. Ох, чует моё сердце, усыновит она парня. Попал он к нам сам, один, с велосипеда сняли. Маленькая трёхлетняя Амелия позавчера стала круглой сиротой, но жизнерадостность и сострадание этого ребёнка сильно бросались в глаза. Ей всех было жалко. Сегодня на привале она подошла к Лешему и, присев рядом, просто молча стала гладить его забинтованные ноги.

– Ты чего, лапушка, – тихонько спросил умилённый «старик».

– Бойна тебе, деда, я полечу, ты тока не плач, – ответила малышка, не поднимая головы, всё так же глядя культи. Их пришлось прооперировать. Проверив утром, я пришёл к выводу, что пока ничего расти не будет. И, что самое странное, Леший и на самом деле почувствовал облегчение от прикосновений этого ребёнка.

– Да, никак ты – лекарка, милая? – сказал он в изумлении, рассматривая девчушку, будто впервые увидел. – До-ок! Поди-ка сюда! Глянь-ка, кажись, лекарка у нас образовалась.

– Да, есть огонёк, – я улыбнулся и погладил ничего не понимающую малышку по головке.

– Эту пуще прежнего берегите, – сказал мне Леший, когда девочка ушла жалеть Умника, который растянулся неподалёку. – Душа у неё чистая, звон слышу, сильная из неё знахарка выйдет, толковая.

– Какой звон? – не понял я.

– Дар у меня есть, я души людские слышу. Вот у неё, как хрустальный колокольчик звенит. А твоя гудит, словно лук боевой.

– Никогда не слышал, как луки гудят, – удивился я.

– Не сам лук, дурачина, – усмехнулся Леший, – а тетива его после выстрела. Покажу потом, есть у меня прелесть сия, полвека с ним по Стиксу проходил, не то, что сейчас, – кивнул на свой автомат. – Напомни ток, как домой вернёмся.

Я, угукнув, кивнул согласно.

Рыжий, который с дочкой Ариной. Как оказалось, парень прошёл две чеченские и одну сербскую войны, а на гражданке работал тренером по тайскому боксу. При увольнении носил звание капитана и являлся минёром. Как и оба его двойника – палец ему в рот не клади. Леший буквально светился счастьем, когда со стороны наблюдал за ним.

– Ага, и я тоже, ток у нас сербской не было, – сказал тогда Каштан. – Вот этот, – кивнул на призрака Рыжего, – в сапёры подался, – усмехнулся Каштан. – Я ставлю, значит, а он, падла, снимает! – шутил призрак безоглядно.

В нашу «семью» новенький Рыжий влился быстро. Ну, мы-то, понятно, воспринимали его как друга и брата уже давно знакомого, а он, видимо, чуйка внутренняя, не знаю, но буквально через день даже Лешего батькой назвал в разговоре, как и все мы.

Ну, на этом наши плюшки среди иммунных и закончились. Остальные были обычными депресняковыми, унылыми свежаками, которые сильно нервировали своими истериками, визгами и даже самим видом. Так и хотелось треснуть иногда. Короче, ждать какой-либо инициативы от них точно не стоило. Стадо баранов, блин.

Оставив своих раненых вместе с этим свежим мясом, Прапор, Муха, Кир, Торос и я отправились решать задуманное, а Фома с Арманом – на охрану и в помощь Лешему. Нам же путь предстоял не близкий: сначала через топи к большому острову с разрушенным кластером сопроводить беременную скреббершу к новому гнездовью, а потом в северные земли, в научный институт к брату близнецу нашего Кира, который являлся офицером «СС», фанатичным учёным и сдвинутым нацистом.

Глава 2

Третий день пути на болотах.

– Вот же занесла тебя сюда нелёгкая, – бурчал Прапор, снова вытаскивая ногу из вязкой жижи. – Как ты тут не утоп, просто удивительно.

– Считай, утоп, малые вытащили. – От этих воспоминаний на душе стало очень пакостно и мерзко, я вновь корил себя за то, что уснул в ту злополучную ночь.

– Во, кому тут хорошо, – Прапор кивнул в сторону Гидры, которая левитировала в ста пятидесяти метрах от нас с прижатыми к спине головами, иногда вытягивая одну на длинной шее, словно подводная лодка – перископ, и осматривала болотные окрестности.

Однажды к нам вышел лось, которого Гидра тут же запеленговала и, врубив свой «манок», изловила, сожрав без остатка.

– Вот, падлюка эгоистичная, даже копытом не поделилась, – заметил тогда Торос, наблюдая за интересным процессом её трапезы.

– А ты попросил бы, – усмехнулся Муха, – глядишь – и поделилась бы.

– Не-не, пусть кушает на здоровье, мало ли, вдруг не доест, на меня коситься начнёт. Консервы пока вполне устраивают, угу, – тут же дал задний Торос с серьёзным выражением лица.

Муха рассмеялся.

Воспоминания. Прошлый день.

Доехав до бетонного завода у границы чёрного кластера, где договорились встретиться с Гидрой, расположились там на ночлег. Скребберша ушла в ближайший свежий населённый кластер за едой, и, пока не набьёт своё брюхо, ждать её не стоило, да и солнце давно село. Потому последние километры до завода мы катили уже в темноте.

Кормилась наша дама не очень далеко, и Муха прекрасно ощущал её местонахождение, как и она его.

Гидра тут же поняла, что люди и странный скреббер рядом. Мысли полезли в голову, сразу во все семь. Иногда тяжело думать семью головами, мысли скачут, как лягушки во время дождя.

– САМЕЦ ПРИШЁЛ. Я ЕЩЁ МОЛОДА, ТОЛЬКО ШЕСТОЙ ПОМЁТ НОШУ.

– КАКАЯ ЖАЛОСТЬ, ЧТО ЭТОТ САМЕЦ НЕ ЕЁ ПОРОДЫ. КАКОЙ ВКУСНЫЙ КУСОК ПОПАЛСЯ, – она доедала рубера.

– ДА, ЭТА ДОБЫЧА – УДАЧНАЯ.

– СКОРО ОНА ОСВОБОДИТСЯ ОТ БРЕМЕНИ И БУДЕТ ГОТОВА ДЛЯ НОВОГО ОПЛОДОТВОРЕНИЯ.

– МММ, ЧТО ЭТО ТАК ВКУСНО ПАХНЕТ? – учуяв одной из голов незнакомый, но манящий запах, скребберша рванула по аппетитному «шлейфу».

– СКРЕББЕРЫ ЕГО ПОРОДЫ ОБЫЧНО ОДИНОЧКИ. А ЭТОТ ЕЩЁ И С ЧЕЛОВЕЧКАМИ ТАСКАЕТСЯ И ДАЖЕ НЕ ЕСТ ИХ, СТРАННЫЙ САМЕЦ, ОЧЕНЬ СТРАННЫЙ.

– ОН СЛИШКОМ МЕЛКИЙ, ЧТОБЫ ЕСТЬ РАЗВИТЫХ ЗАРАЖЁННЫХ, – остановившись у перевёрнутого грузовика, уставилась на источник запаха, который так её манил. – ЧЕМ ОН ПИТАЕТСЯ?

– ЭТО ЕДА?

– ДА, ЭТО ЕДА!

– О, КАКАЯ ВКУСНАЯ СТРАННАЯ ЕДА! – подумала одна из голов, раскусив сочный арбуз

– НЕЗНАКОМАЯ ПИЩА, НО ВКУСНАЯ!

– В ПРОШЛУЮ БЕРЕМЕННОСТЬ ЕЩЁ И НЕ ТАКОЕ ЕСТЬ ПРИХОДИЛОСЬ.

Ещё Гидра вспомнила, пока опустошала грузовик с арбузами, как она однажды видела человекоподобного скреббера, только совершенно чёрного. Очень опасный скреббер, она обошла его стороной, испугавшись, что случайно оказалась слишком близко. Конечно же, он её заметил, но она так стремительно покинула эту территорию, что Чёрный скреббер даже не попытался атаковать.

Беременная самка пошарила по дну грузовика, и больше не найдя ни одного вкусного кусочка, с сожалением пустила мелкую рябь по всему телу, завибрировав и заурчав. Она раздулась уже втрое от всей сегодняшней охоты, но дети требовали ещё этой странной пищи. Им понравилось. Вибрация успокоила малышей, и Гидра отправилась на зов Белого скреббера.

Он обещал новое гнездо, пропитание и безопасность её детям.

– НУЖНО СПЕШИТЬ, РОДЫ СОВСЕМ СКОРО.

– ИНТЕРЕСНО, НА ТОМ ОСТРОВЕ ВОДИТСЯ ТАКАЯ ЗЕЛЁНАЯ, НЕЖИВАЯ ЕДА?

Сейчас. Где-то по пути к Зеркальному озеру.

– Как там наши младшие на острове ведут себя, не позабыли ли всё, чему учились? – задумался вслух Борзя, грызя увесистую кость лося. – А то вернёмся домой, а они всех иммунных пожрали и весь коровник за раз вырезали.

– Вот и будет естественный отбор, кто законы нарушал, сразу в расход пушу, а оставшиеся – из них действительно толк выйдет, мусор тупоголовый нам в семье не нужен, – фыркнул Разбой.

– Микроб, ты будешь есть, или уже нет? Я доем? – спросил Борзя, алчно косясь на не дочиста обглоданные кости.

– Ешь, пылесос.

– Кто это такой?

– Не знаю, просто в голове всплыло. Смешное прозвище. Наверно, так называют таких как ты, которые жрут без меры и всё подряд.

– А я на остров хочу. – Моня положил голову на передние лапы и грустно посмотрел вдаль. – Тут очень... – мутант задумался, не зная, как выразить свои мысли. – Там хорошо, а тут мне не нравится, – в итоге закончил он, так и не найдя нужных слов.

– Мне тоже, – сказал Микроб. – Тамары не хватает. Старшие сказали, что нашего дома больше нет и Тамары с Кепом тоже нет. Микроб, ты же у нас самый умный? Вот скажи, почему, когда я об этом думаю, вот тут больно. – Моня показал на свою грудь.

– Не знаю. У меня тоже так.

– И у нас, – подтвердили Борзя с Разбоем, переглянувшись.

– Наверно, это заразно, – ответил Микроб.

– Снова твои эти слова, из прошлого. Почему я почти ничего не вспоминаю? – спросил Борзя, подгребая к себе лапой остатки копытного.

– Потому, что жрёшь много и у тебя мышцы растут быстрее, чем мозг, – пошутил Микроб.

– Зато я уже на элитника похож, а ты всё как топтун-недомерок, – фыркнул соплями Борзя и, мотнув головой, стряхивая остатки, вцепился зубами в недоеденный костяк.

Подкрепившись и немного отдохнув, четвёрка разумных мутантов двинулась дальше по следу своих старших братьев, неся дурные вести, переданные Седым и Манчестером.

Стаб Парадиз-Светлый. Спустя два дня после выезда группы.

Глава стаба Эмбер прибыл в Парадиз на сутки раньше назначенного срока и, судя по всему, его это нисколько не волновало.

Довольно обширный подземный город, ранее именованный просто Бункер-А, несколько лет назад сменил название на более звучное – Эмбер. Благодаря рассказам многих относительно недавних попаданцев о фильме, повествующем о похожем городе. Руководство Бункера даже специально приказало отыскать записи с этим фильмом и, просмотрев, пришло к решению о смене названия.

Граф, так звали лидера подземного города, вышел из бронемшины и неторопливо прошёл по пустой площади проходного «колодца». На стволе пулемёта сидела большая, жирная ворона. Лидер нацелился на неё своей старинной резной тростью и произнёс:

– Пыф!

Ворона равнодушно кинула взглядом и лениво отвернулась в другую сторону.

Когда в дверях пропускной появился дежурный, провожающий к ментанту, Граф, пройдя вперёд своей охраны, пренебрежительно пихнул в грудь бойца тростью, отесняя его со своего пути, и прошёл в дверной проём широким уверенным шагом. Охрана не менее высокомерно двинулась следом, по пути подпихнув плечом парня в сторону.

– Подтверждаю, гость прибыл. – Негромко, но чётко сообщил дежурный по рации, глядя с ненавистью в спину скрывающимся в коридоре наглецам.

Седой появился в кабинете через пятнадцать минут и, встретившись взглядом с Графом, сухо поприветствовал и спросил:

– Разве наша встреча не на завтра назначена?

– Не люблю ограничения, – небрежно отмахнулся гость от Седого, как от назойливой мухи. – Я нарушил какие-то твои планы своим визитом? – Спросил он с усмешкой. – Ну, прости, если так, – нагло оскалился в противной улыбочке.

– Это элементарная пунктуальность и правила приличного тона.

– Ой, да брось, Седой! Не тебе меня этикету учить, – пафосно бросил наглец, бесцеремонно, по-хозяйски сидевший в кресле главного ментанта, закинув ноги на стол и шаря глазами по полкам с папками. Ты, сын крестьянский и пёс комитетский, меня, кость белую, стыдить собрался? – с презрительной ухмылкой гость уставился на хозяина кабинета, при каждом слове тыкая своей тростью в сторону невозмутимого ментанта, смотрящего на происходящее холодным взглядом. – А ни много ли ты о себе возомнил? Я графом родился и, да будь благословенно это место, им вечно и буду, потому как вечность – это тот отрезок жизненного пути, который мне даден! А ты, как был во служении, так и остался и привычкам своим не изменяешь, даже когда тебе судьба за шиворот жемчугом насрала! – обвёл тростью пространство вокруг, указывая на аскетичную обстановку кабинета. – Казарма! – Бросил он напоследок и поднялся из кресла. – Ну-у? Долго ты ещё меня в этом убожестве держать собрался? Идём же!

Седой смерил его спокойным равнодушным взглядом и, пройдя мимо, сел в своё кресло.

– Я остаюсь сидеть, а ты – пошёл вон из моей казармы! – выплюнул «старый» КГБшник ядовито и с безмятежным видом принялся за бумажную работу, показывая своим гостям, что приём окончен.

Граф поперхнулся дыханием, выпучив глаза и набирая багровые тона на своём массивном лице с квадратным подбородком, задрожавшем от возмущения. Казалось, что у этого человека сейчас выбьет пробки из всех дыр, и пар рванёт с оглушительным свистом, ну, или он просто взорвётся от перенапряжения.

Седой даже представил, как ошметки его внутренностей с противным «шмяк-ляп» разлетятся по стенам кабинета и на морды двум охранникам, которые почему-то очень сильно сбледили лицом, переводя взгляд с одного лидера на другого. Оружия при них не было – изъяли при входе, иначе бы сейчас точно на Седого была бы нацелена пара стволов.

Седой вспомнил, сколько подлости было сделано этим человеком втихаря, не доказуемо, но ему прекрасно известно, откуда ветер дует. Он же не только «мозгоправ», как в шутку называют его друзья, но и опытный КГБист, который, не то что собаку съел на своём посту, но и забыл, как та несчастная выглядела в неперевааренном виде.

Неоднократные покушения на всех пятерых основателей Парадиза, куча терактов, попытки дискриминации в гильдии торговцев, попытки блокады, а сколько людей пропало бесследно или были захвачены мурами по явной наводке, вербовка, внедрение и ещё куча гадостей, особенно за последние двенадцать лет, от которых Седой уже изрядно устал. Как же он ненавидел этого человека и сколько раз в мечтах разрывал его на маленькие кусочки, расчленивая живое, орущее тело. А теперь, вот он, стоит перед ним собственной персоной, да ещё и провоцирует на агрессию. Опять очередную пакость задумал?

Нет уж, не в этот раз и никогда больше.

Седой аж скрипнул зубами от этих воспоминаний и мыслей. Медленно подняв от бумаг глаза, упёрся своим цепким и, в данный момент, страшным взглядом в глаза гостя, который, застыв на месте, начал бледнеть и на подломившихся ногах уселся на пол, обняв свою трость. Седой продолжал давить его взглядом, направив правую руку в сторону охраны, сжал кулак. Бойцы стояли уже синие, не имея возможности не то, что шелохнуться, даже дышать.

Весь кайф от долгожданного убийства обломал Манчестер, который вихрем и очень не вовремя ворвался в кабинет.

Он давно уже распорядился накрыть стол и подготовить зал для переговоров, но спустя пять минут, зная характеры и Графа, и Седого, не на шутку обеспокоившись, рванул вниз, заподозрив неладное.

– Брось! – и не надеясь на одни слова, просто плеснул водой из стакана в лицо своему другу, который, как удав, душил двоих и растворял мозг третьему.

Люди тут же повалились безвольными куклами в разные стороны. Манчестер кинулся к Графу, проверил пульс, зрачки, потом осмотрел бойцов и, поднявшись, отрицательно покачал головой, глядя на Седого с осуждением и укоризной.

– Ну, сам бы и встречал! – бросил ему расстроенный ментант в ответ на укоряющий взгляд. – Чего, и этот тоже спёкся? Не должен бы пока, – перегнувшись через стол, глянул на своего гостя, который, свернувшись в позу эмбриона, ронял вспенившиеся слюни и тихонько прерывисто поскуливал.

На месте, где он только что сидел, темнела лужа с характерным запахом мочи.

– Ты понимаешь, что наделал?! – обречённо выдохнул Манчестер и сел на близко стоящий стул, обессиленно опустив руки на колени.

– Ну, живой же, – по-детски попытался оправдаться Седой, пожав плечами. – Хомяк, ну, сколько мы ещё можем этого выродка терпеть, а? Сил моих нет больше. И вообще, он только завтра должен был приехать. Кто скажет, что он сегодня явился? Кто его тут видел? Ехал, да не доехал, мало ли чего в пути случиться-то могло.

Манчестер поднял на друга усталый взгляд, собираясь что-то сказать, но передумал и, махнув рукой, обратно устался на скулящее тело.

– Да ладно, не нервничай ты так, придумаем чего-нибудь, – произнёс Седой и, присев перед Графом на корточки, раздвинул пальцами веки и заглянул в глаза.

– Ничего, мозг целый. Ну, почти, – сделал заключение после осмотра ментант, – Дай мне пару дней, и я верну этого засранца в прежний вид.

– Уверен?

– Ну-у, может, не совсем в прежний, но говорить сможет.

– А с этими что? – Манчестер указал на посиневших бойцов.

– Что? – не понял Седой и, подойдя к охранникам, проверил и их. – Покойники. – И вернувшись к Графу, снова заглянул тому в глаза.

– Седой, посмотри на меня, дружище, – обеспокоенно попросил Манчестер. – А-а-а, понятно, нервишки, ну да – ну да, а то я уже было подумал, что старость из тебя глупца сделала.

Ментант в недоумении уставился на друга.

– Сколько время сейчас? – устало спросил Манчестер.

– Без пятнадцати семь... утра, – сказал Седой, взглянув на свои старые наручные часы, ещё из той, далёкой жизни.

– Из Эмбера минимум четыре часа, если гнать под сотню и напрямую, через городские кластеры, потому как, так путь хоть и опаснее, но короче. Получается, он выехал из своего бункера посреди ночи всего с одним бойцом и водителем, и летел через свежие кластеры, которые грузились вот, не позднее недели как, рискуя своей бесценной жизнью. Для чего? Почему такая спешка? На день раньше оговорённого срока примчался, да ещё и с таким риском.

Седой посмотрел на друга и потянулся за рацией.

– Карбит, зайди ко мне.

В дверях тут же появился невысокий, светловолосый парень, лет двадцати на вид, невозмутимо перешагнув через трупы, будто они всегда тут и валялись, щёлкнув каблуками, козырнул и доложил:

– Старший смены Карбит по вашему приказу прибыл!

– Этих – в их же машину, – Седой указал на два синюшных тела, – а этого – на минус третий в ВИП камеру и глаз с него не спускать. Если сдохнет, или ещё чего – с тебя спрошу. И «глушилку» (Устройство нейтрализующее дары. Производство Кирдов) установи ему. Машину их брезентом накрыть, и с глаз долой подальше. И всю сегодняшнюю смену ко мне в кабинет сейчас же. Всё, выполнять!

Боец снова козырнул и, резко развернувшись, вышел. Тут же зашли двое других, подхватили гостя, вынесли, следом убрали и покойников.

Оба правителя Парадиза сидели молча с глубоко задумчивым видом.

– Однако... – наконец, произнёс Седой, почёсывая лоб костяшками пальцев, локтями упершись в письменный стол.

– Да, жди беды... Неспроста всё это, – вздохнул Манчестер и, подойдя к шкафу, открыл дверцы и налил две стопки коньяка.

– Кто у нас с мутантами ладит? Нужно инсценировать нападение на машину. – Сказал Манчестер и, хекнув, вылил в себя горячительный напиток, закусил шоколадной конфетой. – Ехал, ехал, да не доехал... – пробубнил он себе под нос, тихонько чавкая.

– Есть парочка, уже верховую езду освоили, их и отправлю, – взял Седой рюмку и, покосившись на темнеющее пятно на полу, добавил:

– А с этим мешком... белых костей, – усмехнулся, – я сегодня же разберусь. К вечеру защебечет, аки птичка. – И выдохнув, выпил коньяк, вернул стопку на стол, ничем не закусывая.

* * *

Смельчаков вызвалось трое, и Студента отправили, как самого опытного в общении с новой расой. Машину откатали к городу, изрядно помяли, завязав дуло пулемёта чуть ли не на узел, вырвали двери и растерзали все три трупа. Третьим стал гражданский, похожий телосложением и цветом волос, переодетый в вещи Графа, там же и трость его бросили, переку-

шенную Микробом. Узнать останки можно было только приблизительно и то – по обрывкам вещей и транспорту.

– Ну, вроде как управились, – сказал Студент, осматривая место «трагедии»

– Ага, стопудово на стаю нарвались! – усмехнувшись, подтвердил беловолосый Песец, сидя на загровке у Борзи (При переносе кластера поседел, волосы так и остались белыми, отсюда и имя). – Ну, чё, аферисты, домой? – сунув руку под пластину, парень почесал шкуру мутанта. Борзя довольно заурчал и трусцой направился к Парадизу-Светлому, неся своего седока на плечах.

* * *

Манчестер всей тушей развалился на несчастном стульчике, опасно поскрипывающем при малейшем движении.

– О-о-ох... хоть один нормальный стул принёс бы... Ты всё же думаешь, им удастся собрать армию?

– Не знаю. – Седой складывал на столе исписанные листы формата А4. – Если действительно с внешниками договор заключили, то возможно.

– Ни один более или менее нормальный рейдер не пойдёт на такое сотрудничество. А там полгорода вполне нормальных людей проживает.

– Им знать о том и не обязательно. Мозг промыть идеями великими и лапши на уши навешать – это я могу и без дара. За три месяца я тебе тут такую революцию устрою, что охреешь, а им годами в мозг вдалбливали, что мы творим тут непонятно что, и от этого страдают все соседи, а они, Эмберцы, больше всех. Теперь ещё и очевидное, яркое доказательство появилось, в виде наших мутантов. С ними мы скоро всю власть захватим на планете и устроим ещё больший ад, чем есть, полностью поработив всех иммунных. Будем на органы продавать пачками, безнаказанно, потому как наказывать нас станет некому.

– Вот же ж, суки! – Манчестер возмущённо хлопнул ладонью по столешнице.

– А ты чего ждал? – Седой вложил листы в белую картонную папку с надписью «ДЕЛО» и, аккуратно завязав бантик из тряпичных тесёмок, поставил её на полку к другим таким же. – Я примерно такого и ожидал, когда про Умника узнал, но рассчитывал на большее время и не думал, что эти скоты с Внешкой договорятся.

– Подожди-подожди, я не понял, почему в таком случае, Граф из собственного стаба сбежал?

– Ну, не совсем он и собственный.

– Ай, да брось, пятьдесят процентов власти у него, а у тех двух – только по двадцать пять на рыло, и они вечно скубуются меж собой, как собаки. Фу! – брезгливо махнул рукой, отгоняя невидимую муху.

– Во-от, по двадцать пять на рыло, а вместе – пятьдесят. – Седой вернулся за стол и, облокотившись на столешницу, устался на Манчестера. – Вот они и скооперировались, решив Дока продать Внешникам в обмен на военную технику. А этот гусь наш, – взглядом показал на пол, имея ввиду подземные казематы, – против такого хода. Надумал он Светлый взять своими силами и Дока прихватизировать, харя буржуазная. Армия управляемых мутантов его прельщает гораздо больше какой-то там техники. Из-за этого конфликт вышел серьёзный, а у «друга» нашего чуйка на неприятности отлично развита, сам знаешь. Вот он и вышел, якобы по нужде, во время заседания и смылся в чём был, прихватив с собой только одного охранника и случайного водилу на первой попавшейся машине.

– У нас защиты искать?! Кажется, он умом тронулся ещё до твоего вмешательства! – засмеялся Манчестер, держась за прыгающий живот и за край стола, опасаясь сверзиться с хлипкого сидалища.

– Не защиты он искать ехал, а требовать часть власти за информацию и захват Эмбера. Город свой сдать собирался с потрохами, рассказав всю систему обороны и безопасности. Он хотел, чтобы мы нанесли упреждающий удар и, захватив бункер, отдали ему в единоличное правление как губернаторский надел. При этом снабжая Разумными мутантами, обучая его бойцов верховой езде и управлению зверушками.

– Получается, что весь регион вроде как наш, выходит? Пока не вижу в чём подвох.

– Ага. И задумал он многоходовый финт ушами, а именно, накопив силы и опыт управления мутантами, Дока под свой контроль подмять, а нас убрать тихонько. Как, пока не придумал, но надеялся, что время подаст удобный момент. – Седой усмехнулся.

– Год, два, пять лет, он готов ждать и все десять, но, в конце концов, станет единоличным правителем всего Стикса с полчищем Разумных. Он сделает то, что до него пытались Александр, Чингисхан, Наполеон и какой-то там Гитлер, о котором он слышал, уже будучи здесь. Как он говорит, что всегда знал, что рождён, чтобы править и быть великим Императором всего мира. О, как! – посмеиваясь, Седой многозначительно поднял указательный палец вверх.

Манчестер, не веря собственным ушам, хлопал губами, широко распахнув слегка выпуклые карие глаза.

– Гениально, – выдохнул он, то ли усмехнувшись, то ли действительно восхитившись, дослушав отчёт Седого об итогах допроса теперь уже полоумного Графа.

– Да, замысел грандиозный, согласен. – уголок губ чуть поддёрнуло в улыбке. – На грани безумия. Конинку плеснуть?

– Не откажусь. – Манчестер промокнул платком испарину на лбу. – И что ты думаешь с упреждающим нападением?

– Пока ничего. Жду доклада «Пятой» группы.

– Так, а на Дока, получается, открыли сезон охоты? Вот же ж, супостаты плешивые, а...

– Да. – Седой стоял перед распахнутым шкафом, организовывая выпить и закусить.

– И на мутантов тоже. Но, если Дока приказано брать только живьём и никак иначе, то с мутантами уже, как получится. Желательно, конечно, живыми, но если нет, то и ладно.

– Хм... Надо бы ребят предупредить... – Манчестер насупился, раздув щёки ещё больше, чем они есть, и с задумчивым видом уставился в одну точку, погрузившись в размышления.

– Надо. И Разумных отсюда на время убрать надо.

– Ну, так и отошли их. Они и предупредят.

– Да, так и сделаю. Держи. – Седой протянул другу рюмку и тарелку с балыком, колбасой и сыром.

– Эх... как всегда, свои низменные потребности прикрывают лозунгами о Высшем...

– Ты сейчас о чём?

– Да об агитации народа, жителей Эмбер, на войну с нами. – Горестно вздохнул толстяк и, прищурив глаз, посмотрел на свет лампы сквозь бутылку с коньяком, подняв ту у себя над головой.

– А-а-а... Ну так, город-то наш вместе с прилегающей кормовой территорией как-то захватить-то надо, – с насмешкой сказал ментант. – Да ещё и пушистыми при этом оказаться, а как такое сделать по-другому? Только обвинить нас в захвате Мира. Хрена мелочиться?... С такими обвинениями и сотрудничество с внешниками, и наём муравьев меркнет и выглядит как необходимая мера для спасения всего человечества.

– С мурами тоже, значит, договор заключили?

– Да. С Рябым.

– Ого! Ближний свет! А ещё дальше чего, поддержку не нашли?

– Говорят, этот Рябой, или Рябый, его и так, и так зовут, зарекомендовал себя как человек слова, – встав, Седой достал с полки одну из белых папок и, открыв, протянул другу.

Манчестер внимательно прочёл содержимое и, ещё раз посмотрев на фото ярко-рыжего парня с веснушками по всему лицу, положил досье на стол.

– Гляди, как бы их ещё и всемирными героями после этого не провозгласили, – сказал он, прихлопнув папку рукой.

– Могут. Я вот думаю, как бы из соседнего региона людей с толку не сбили и в эту кашу не замешали. Нехорошо получится.

– Не замешают. Как понимаю, у этих двоих конкретная цель, и делиться своим куском они не собираются. Жаба задушит. А с соседями придётся делиться территорией.

– Вероятно, так и есть. С внешниками договорились рассчитаться, доставив им Дока, и по возможности мутантов, хоть одного. С мурами расплатятся оружием, снарягой и людьми, нашими людьми. Кстати, ты знаешь, сколько обещали за наши с тобой головы? – усмехнулся Седой, – по красной жемчужине!

– А за живых сколько?

– За живых – ничего не говорил. Видимо, живыми брать не рассчитывают, боятся, паскуды. Зато про Батона сказал, что с мурами спор за него получился серьёзный, чуть не до драки. Эмберцы хотят его живого и невредимого себе в личное пользование, а муры упёрлись рогом, мол, лекаря не трогать, это их собственность и прочее не канает!

– Тоже в пользование? – хохотнул Манчестер.

– А то! – улыбнулся ментант. – Коктельчики нашего горца, оказывается, пользуются огромной ценностью далеко за пределами этой области. Люди за них жемчугом платят!

– Ого! Я и не знал!

– Я вот тоже не знал. Упущение, однако... Надо Батону сказать. Думаю, и для него это новостью окажется... весёленькой.

– Не, не надо, а то зазнается и взорвётся от осознания важности собственной персоны, – растянул щёки в улыбке.

– Ну, ты же не взорвался до сих пор. Хотя... – Седой оценивающе смерил взглядом объёмы Манчестера и, усмехнувшись, остановил свой взгляд на объёмном пузе.

– Это, Седой... – начал Манчестер, хлопая себя по пузу.

– Ага, комок нервов, – хохотнул друг.

– Нет. Это склад! – ответил купец стаба, любовно поглаживая живот.

– О, как?! И что же там хранится?

– А там, друг мой, хранится смекалка и жизненный опыт и, если всё это взорвётся, вы помрёте как тараканы, но не от взрыва, а от нахлынувшей на вас информации. Попросту, не сможете её переварить!

Седой качал головой и смеялся:

– Ну ты... ну ты... как ляпнешь чего! – хохотал он и пытался налить очередную порцию коньяка, плеская жидкость на стол.

– Не вовремя наши уехали, ох, не вовремя...

– Беда, она всегда не вовремя приходит. Ничего, прорвёмся, – Седой протянул другу рюмку и закуску.

– Не, лучше конфетку дай.

– Одно не пойму, почему за Дока дают так много. – Седой подал товарищу коробку с его любимыми шоколадными конфетами, которые держал именно для него. – Неужели никого больше с подобным даром нет, и он в единственном экземпляре?

– Нет, конечно. Есть люди с похожим даром, но никто же не знает, как именно появляются Разумные мутанты. Видимо, думают на единоличное воздействие. Им не известно, что вполне достаточно воспитать одного, и он уже сам создаст всех остальных и, что без правки сильнейшего ментанта эту затею лучше и не начинать, потому как она так потом аукнется, что

действительно, в Улье придёт конец человечеству. Думаю, что нас бы разводили, как скот на фермах, для еды. – Манчестер хищно глянул на очередную конфету и протянул к ней руку.

– А насчёт похожих с Доком даров, слышал я, причём не так давно, что есть трое. Один, вроде нас, старожил этого мира, лекарь, заделался в пилигримы, как Кир наш когда-то. Ходит по Стиксу в компании с парочкой матёрых мутантов, ручных или Разумных, не знаю точно. Второй – кваз, вот у него точно такой же дар и там тоже замес какой-то странный, с внешниками. Охотятся на ребят, вот только так и не понял, на него, или на его друга. У друга, кстати, тоже что-то редкостное. Ну, а третий так вообще: там всё настолько странно и непонятно, что слухи ходят противоречивые. Знаю точно только, что и там не всё ладно. Парень вселялся в тело мутанта и довселялся, что сам стал элитником, но с сознанием человека, а потом канул резко. Не мог он с толпой смешаться или уйти незамеченным из того региона, слишком приметный элитник получился. Вот я и думаю, что и там без внешников, скорее всего, не обошлось. Вот зачем им такие, как Док и те ребята, я так и не додумался пока что, хоть и весь мозг уже сломал. Думаю, думаю...

– Видимо, зачем-то надо... – налил ещё по одной порции.

– Говорил я вам, пусть мальчик в стабе сидит, Ксер ведь, развивался бы, торговому делу бы у меня обучался. Ан нет! Заехала вожжа под хвост, и давай скакать, аки кони по всему Улью! У меня на вас, иногда, просто зла не хватает!

– Добрый ты слишком, вот тебе и не хватает... Ладно, не кипятись, придумаем чего-нибудь. Вспомни, мы ведь и не из такого дерьма вылезали.

– Угу... когда это было... – вздохнул толстяк и, стукнув своей рюмкой о рюмку друга, хекнув, влил в себя благородный напиток.

Остров в болотах – гнездо Гидры.

– Ух! Неужели дошли! – плюхнулся Прапор в мягкую траву, стянув с себя тяжеленный рюкзак. – Ты поближе не мог ей гнездовье подобрать? К самому чёрту на кулички, похоже, припёрлись.

– Зато безопасно. Случайно если только кто забредёт, как я.

– Таких идиотов в Стиксе больше нет. – Прапор сорвал травинку и, покрутив её в пальцах, сунул в зубы. – Одни уже передохли, другие скоро сдохнут, а живой только ты остаёшься, гуляя по таким вот местам. – беспокоило гонял он травинку с одного угла рта в другой, уже практически сжевав. – Ну, води нас, показывай, где там этот твой сломанный кластер.

Наконец-то, добравшись до берега, мы все попадали отдыхать, и после небольшого перекуса направились в сторону летающих обломков и водопадов. Ребята горели великим желанием воочию увидеть это природно-рукотворное диво, а Гидра рванула на изучение новой территории, прихватив себе в компанию нашего Муху. Ни один скреббер-агрессор не сможет добраться до этого места из-за топи, только такие как она, «летающие», способны достигнуть острова, не утонув по пути в жиже.

– Аа-ах-ри-не-е-е-е-ть... – только и смог выдать Торос, стоя с приоткрытым ртом.

– Мда... однако, – поглаживал лысину Прапор, разглядывая шумный феномен.

– Да. Красиво, – хоть и во второй раз видел, но восхищение от созерцания не уменьшилось.

А Кир просто молча смотрел, не шевелясь и не моргая, будто в статую превратился. Стоял он так минут десять, а потом достал свой телефон и принялся снимать видео, что-то при этом приговаривая на немецком.

Остальные, глядя на него, тоже приступили к съёмкам, потихоньку расползаясь в разные стороны. Я забеспокоился, что увлечённые невиданным зрелищем, они могут прохлопать опасность, которая, как обычно, выскочит из ниоткуда в самый неподходящий момент.

Вызвал немедленно призраков и послал их следить за округой.

– Валдай, – позвал я своего призрачного друга и одного из наставников, – разведгруппа, оставленная Рыжим для исследования острова, чего рассказывает? Есть тут что интересное, или нет?

– Ещё как есть! – сразу появился призрак. – Тут вообще много чего интересного, но мы не хотели докладывать, пока всё досконально не выясним.

– Чего это так?

– Ну-у-у, немного выходит из ряда реальности и понимания. Но и это, – Валдай указал на летающие острова, – не укладывается в реальность, да и дружба со скреббером... Скажи мне кто об этом раньше, да я бы в глаз тому фантазёру плюнул, но теперь...

– Тревога! Тревога! – появилось сразу четыре призрака с разных сторон, выставленных на пост.

– Волна мутантов! – призраки указали во все четыре стороны. – Прут прямо сюда и очень быстро прут, будто их что-то спугнуло, или у них «зов» начался.

– Гидра, мать твою! Ах, же ты, скотина беремчатая! [матерная брань, не подлежащая печати].

– Кир! Прапор! – выругавшись от души, я позвал командиров и сообщил «чудесную» новость о том, что наша подруга, кажется, перепугала всех мутантов, и они волной несутся сюда.

– О-ох, и-йё-о! – воскликнул Торос и рванул к своему рюкзаку, лежащему в траве.

– Давайте туда! – указал мне Валдай на северо-восток. – Только боюсь прорываться придётся! Шевелитесь!

Передав слова призрака ребятам, мы побежали в указанном направлении.

Крепко матерясь на себя за то, что отпустил Муху, Прапор проламывался сквозь кустарники, как таран.

А Муха наш умчался верхом на Гидре осматривать владения, посчитав, что мы достаточно «зубастые», если вдруг чего, вполне можем обойтись и без его помощи. И вообще, в последнее время он стал часто отделяться от группы в неизвестном направлении с неизвестными нам целями, но все относились к этим отлучкам с пониманием: всё же он уже не человек и его организм имеет свои потребности. Никто даже не думал о такой реакции мутантов на появление сразу двух особей, Жутких Существ из Черноты, несущих смерть всем мутантам. А зря. Теперь вот, вместо того, чтобы спокойненько отсиживать жопы под Мухиным куполом, наблюдая кино «Побег напуганных мутантов», сами бежим чёрт его знает куда в надежде спастись.

– А куда мы, собственно, бежим-то? – спросил я на ходу Валдая.

– В бункер! Вправо давай! – крикнул призрак.

– Вправо! – передал я Прапору, корректируя направление движения.

Несущихся впереди призраков, которые указывали дорогу, видел только я, но вперёд меня не пустили. Прапор обладал даром Силача и Ускорения, своим кукри махал так, что видны были только смазанные движения и слышался шелест, а не хруст и треск от рубки веток, которые, кстати, летели веером, как брызги большой лужи от колёс машины. Мы же бежали следом по прорубленному коридору, и я пытался не отставать, потому как у меня, в отличие от Прапора, дара ускорения нет. Торос пыхтел мне в затылок, подгоняемый Киром, у которого благодаря Умнику теперь выносливость не хуже, чем у матёрого мутанта, плюс дар Клокстоппера, о нескольких десятилетиях, прожитых в этом мире, я и вовсе промолчу. Оставь они нас с Торосом, сами давно бы смотались и следа бы их не осталось, ан нет, тащатся вместе с нами, периодически матерясь и подгоняя святыми пинками.

– Alter Pferd schneller bewegen!

Я заметил, что Кир, когда сильно нервничал, переходил на родной немецкий. Если раньше он сдерживался, стараясь скрыть своё происхождение, то теперь что-либо скрывать нужда отпала, что способствовало нашему всеобщему обогащению лексикона.

– Че-го? – пыхтел Торос.

– Двигай быстрее, говорю, старая ты кляча! – Кир продублировал уже на русском только что сказанное.

– Мутанты! – сообщил мне Валдай. – Слева на вас прёт стайка середнячка, восемь штук!

Стрелять нельзя. Шум привлечёт ещё больше перепуганных, но вечно голодных любителей мяса, так что достали «холодняк» и двинулись дальше, но уже не так шустро. Мы с Киром «пульсировали» сканами.

– На восемь часов – двое! На девять – один! На десять – трое! – рявкнул Кир, первым запеленговавший мутантов.

Плохо, очень плохо, что места нам для манёвра практически нет. Этот лес очень напоминал тропические джунгли, где всё пространство занимает густая, переплетающаяся растительность. Простым бегунам в этой части леса не пройти – запутаются.

Первым вывалился на очищенное Прапором пространство хороший такой кусач. Его принял Кир.

Высокий, худой, быстрый и пластичный педант никогда не расставался со своей катаной. Дар Клокстопера и большой опыт способствовали молниеносному рывку командира, и мутант растянулся у его ног с пробитым споровым мешком. Тут же развернувшись, Кир исчез и появился рядом с Торосом, прикрыв того от второго топтуна, с первым Торос справился сам, рубанув по лапе одним томагавком, заморозил и долбанув следом вторым, расколол, увернулся от замаха второй лапищи и вонзил топор в голову, аккуратно между пластин. Тут же место удара побелело от инея, мутант замешкался: видимо, мозг здорово приморозило, вторым томагавком Торос нанёс смертельный удар, расколов черепушку на несколько кусков. Я, крутанув в руках два своих любимых топорика, которые притащил ещё из той жизни, нацелился на прущего на меня спидера.

Леший хорошо нас всех гонял, обучая бою холодным оружием, и заставлял одинаково хорошо работать обеими руками. Теперь вот пригодилась выучка.

Мутант слегка замешкался, и я воспользовался заминкой, увернувшись от когтей размахивающих лап, нанёс сразу два удара: слева режущей кромкой по морде и заострённым концом справа в висок. Тут же остриём левой ударил в глаз следующей оскаленной морде, вынырнувшей из-за куста с разъявленной пастью, готовой оттяпать кусок моей плоти. Туша по инерции пролетела вперёд, сбив меня с ног. В горячке я не понял, убил ли его или только ранил, и всунув руку в нутро, благодаря дару Хилера, сжал трепыхающееся сердце в кулаке.

Кусач замер. Теперь уже точнодохлый.

Заёрзав под телом, я попытался выбраться на свободу, но слишком тяжёлая туша добротнo придавливала, не выпуская из своих объятий. Я занервничал.

– Живой?! – спросил Прапор и, ухватив меня, как щенка за шкуру, выдернул из-под трупа резким рывком и поставил на ноги. От такой «карусели» слегка потерял ориентацию, но тут же собрался, тряхнув головой, и включил скан в поиске следующего противника. Противники кончились.

– Всё, нет никого, – сорвав с куста пучок листьев, Прапор вытер с лезвия остатки крови и слизи.

– Быстро, – осмотревшись, я насчитал восемь трупов, которых уже потрошили Кир с Торосом, добывая горох и спораны.

– Зацепило? – Прапор указал на мою руку.

Взглянул на неё и меня слегка замутило от вида.

– Не, это его. – Кивнув на дохлого кусача, я сорвал рукав куртки и выкинул, а руку обтёр о траву. Чистить ткань от этой дряни бессмысленно.

– Быстрее, быстрее, а то скоро вновь нарвётесь. Там вот ещё стоя прёт, но их штук двадцать, не отмашетесь мельницей.

Передав известие ребятам, подхлестнул, и мы разом рванули дальше.

Пока бежали, до меня стало доходить, кого и в каком количестве мы только что, можно сказать, порубили в капусту. Во время боя не думаешь об этом: надо биться – бьёшься и, если выжил, тогда уже после анализируешь. От этих мыслей начала леденеть спина, словно Торос тронул её даром своим. Я даже опасливо оглянулся, не шуткует ли товарищ. Но товарищу, судя по его выражению лица, явно было не до шуток. Тоже, видимо, бой на бегу анализирует и охреневает понемногу так же, как и я.

Торос попал в Стикс четыре года назад. Изначально работал в группе снабженцев грузчиком, но очень быстро перешёл в охрану оных. Как-то Прапор попросил командира той группы подкинуть ему толковых парней для какого-то дела, не особо опасного, как он тогда сказал. Вот его и подкинули, плюс ещё троих, а после того рейда, в котором они отбились от стаи, завалив крупного рубера, Прапор предложил Торосу перейти к нему, но предупредил, что гонять будет нещадно и работа у них гораздо опаснее. Торос перешёл. На гражданке он полжизни мотался по горячим точкам, а после ранения устроился в МЧС. Адреналин для парня был сродни наркотику, без которого жить просто не мог. Но, кажется, в нашей группе ему адреналина хватает выше крыши, так что он, бедный, аж захлёбывается им.

– Стойте! – скомандовал вдруг Валдай. – Сюда! Вот только этот ствол убрать надо.

– Какой ствол? – озирался я по сторонам в поисках поваленного сушняка или колоды.

Но это оказался вовсе не сушняк. Дерево, и в самом деле, упало, но корневая система впиалась в землю, и здоровенный, листовенный исполин продолжал пускать ветви к вожделенному солнечному теплу, что скудно пробивалось сквозь густую зелень.

Мы пытели минуты три, но так и не сдвинули этого гиганта с места.

– Не, глухой номер, – плюнул разочарованный Прапор.

Кир всё больше нервничал. Я тоже понимал, что дальше нам ходу нет, а бежать – бессмысленно. По словам Валдая, за этим деревом располагался вход в бункер.

– Ну, падла! – психанув, Торос сжал побелевшие от инея кулаки и ударил по одной из толстых веток, которая, тут же замёрзнув в месте удара, хрустнула, но не сломалась.

И здесь меня осенило.

– Заморозь его, Торос! – указал я на дерево. – Ну, же! Быстрее! Я их уже шкурой чувствую, не то что даром!

Торос кинулся на гигантский ствол, обняв, как родного, и от него повалил пар, как от фреона. Я заметил, как образуются мелкие кристаллики рядом с телом Тороса, а потом и на самом теле. Вся его спина покрылась инеем. Волосы торчали замороженными белыми иглами.

– Всё, хорош! – рыкнул бульдозером Прапор, шагнув ближе к дереву. – Ну-ка, посторо- нись!

Торос отпустил побелевший ствол. Лёгкая молочная дымка колыхалась над тем местом, которое он только что обнимал. Сам же парень сейчас был точь-в-точь, как Муха, белый, аки первый снег. У его ног тоже колыхалась дымка, и трава покрылась инеем. Тороса слегка пошатывало, но трогать парня сейчас – самоубийство.

– Присядь, пока не упал, – посоветовал Кир.

Прапор, присев в стойке перед злосчастной преградой, собравшись с силами, закрутил руками какую-то комбинацию и, хекнув, нанёс мощный удар.

Всегда хотел посмотреть на снег летом...

Снежная пыль, оседая на тёплой коже, таяла и превращалась в мелкую древесную кашу. Метровая прореха в древесине оказалась достаточной, чтобы пробраться в узкий лаз, больше похожий на лисью нору.

Я вспомнил Алиску и улыбнулся, в душе потеплело, и тут же зашевелился червяк беспокойства: Как там друзья? Как себя чувствуют раненые Леший и Умник? Как только появится немного свободного времени, отошлю призраков глянуть, как у ребят дела. Жаль, что через призраков не передать известия о себе, хорошие бы почтовые голуби получились. Усмехнувшись, я нырнул в сырую земляную нору через ледяную колоду.

Глава 3

Лагерь новых свежаков в лесу.

– Деда, гляди, что мне Алиска принесла, – малышка держала в руках пушистого игрушечного зайца.

– Хороша игрушка. А где эта плутовка? Вернулась, значит, уже?

– Да, она там птичку кушает. Деда, зачем она птичку убила? Если её колбаской кормить, может, она не станет убивать никого?

– Станет, милая, станет. Алиска – зверь дикий, и охота ей необходима. Ты не ходи туда и не гляди, ей так надо.

– А Умник? Он тоже – зверь дикий и тоже на охоту ходит?

– Тоже, милая.

Девочка о чём-то задумалась, а потом, вздохнув, слезла с коленей Лешего и умчалась вприпрыжку в сторону большой палатки, где собирались все дети небольшого лагеря для свежаков.

– Леший, что мы с этим детским садом делать-то будем? – спросил Арман, глядя на ту самую палатку. – Восемь! Это уже не один Аби.

– На зиму засолим, – усмехнулся командир. – Я не выездной теперь, Филин наш всё равно в штабе постоянно сидит, Студент – семейный, да и ты, гляжу, жениться собрался. Вот и займитесь этим вопросом, а я подсоблю всем, чем смогу. Хорошие люди – редкость да ценность, и не только ныне, но и во все времена, а уж коли так везёт, что тебе под опеку чистые души попадают, да ещё и одарённые не в меру, то грех таким добром разбрасываться. И ещё, сынку, дети быстро растут, а в этом мире они взрослеют совсем уж не по годам, так что вскоре поколение крепкое поднимется, и будет на кого городу нашему опереться.

– Да, ты, никак, на пенсию собрался, батя?

– Пенсия, шо мне ваша пенсия, я ж ще молод и здоров, а это, – махнул он на свои обрубки, – сколько людей живёт увечными на Земле, а я шо, духом слабже? Та ни в жизнь! – рубанул он воздух ладонью. – Нешто! Прорвёмся! Глянь, Умник-то приспособился на трёх конечностях бегать, а я чем хуже?

Умник действительно приспособился и не только бегать, но и драться.

Увечный мутант – слабый мутант. Убей Высшего – станешь Высшим, – так думают все Иные и не понимают, что не это важно, а важно время. Чем старше Иной, тем он умнее, потому как мозг его при обращении девственно чист, и вся информация извне получается заново. С опытом и только при хорошем развитии и интенсивной работе мозга возвращаются те, старые воспоминания из ещё человеческой жизни. Умник уже многое вспомнил, даже своё прежнее имя и отражение в зеркале, город, в котором он жил, дом, семью. Иные смутно вспоминают прошлую жизнь, и только спустя очень много лет, не жалея об утрате человеческого облика, они даже не задумываются об этом. А Умник думает, он о многом думает и жалеет о многом, взять тех же женщин. Мутанты бесполо. Для Умника в последнее время это стало великой утратой и, если бы ему предложили на выбор отрастить лапу или «хвост», то он бы сильно расстроился, потому как «хвост» – это хорошо, но где в таком случае потом искать самку?

Разомлевший на солнышке, задумавшийся Умник уснул, и приснился ему сон.

Иные не видят сны, но он давно уже не Иной, особенно после сражения со скреббером и поедания его плоти. Док оказался прав: съев врага, утратил чувство страха, а потом с ним стало происходить странное, совсем непонятное.

Во сне Умник увидел себя человеком, человеком без руки. Ох, эта рука, как же она иногда чешется, но не растёт. Он видел женщину, высокую, крупную, с широкими бёдрами и большой упругой грудью. Её длинные светлые волосы закрывали всю спину до самой талии, едва касаясь маленькой родинки на верхней части округлой попы. Умник протянул руку, коснувшись этой попы, ощущая ладонью тепло и бархат нежной кожи. Он зажмурился от дивного удовольствия и, втянув пьянящий, кажется, так давно забытый аромат женского тела, притянул девушку к себе, осыпая поцелуями, нежно и бережно подмял под себя, уложив прямо в траву. Сжимая одной рукой правую грудь, губами ласкал левую, ощущая лёгкий зуд и приятное щекотание внизу живота. И непередаваемое ощущение тепла близости...

Руки девушки гладили его спину, ноги её чуть раздвинулись, приглашая для дальнейших действий ухажёра...

Умник не знал, что нужно делать дальше, он не помнил, но девушку это не смутило и, взяв «бразды правления» в свои руки, принялась творить что-то, казалось, нереально приятное и захватывающее дух. После таких манипуляций Умник накинута на неё, словно зверь, и продолжил соитие уже самостоятельно, ведомый природой человеческого влечения...

Войдя в её горячее лоно, он на мгновение замер, наслаждаясь вновь обрётёнными ощущениями. Ноги крепко обхватили его спину, бёдра двигались плавно, в такт, пухлые алые губы чуть приоткрыты и жаждут поцелуя. Сердце колотилось, как никогда прежде, голова кружилась, и хотелось чего-то, но чего – не понять, от этого желания Умник застонал и увеличил темп сладостного качания, выжимая сок Жизни...

– О, да... Да! – пролетели в голове мысли. Это то, чего он и хотел! Это – то самое!

Перевернув девушку на живот, он подтянул повыше эту аппетитную попу, которую вовсе не хотелось есть, а хотелось совершенно другое! Вонзив в промежность свой вновь обрётённый член, Умник, ухватившись за длинные волосы, потянул их на себя, бёдрами набирая скорость и глубину толчка.

Ох, какая жалость, что нет второй руки, с каким бы удовольствием сейчас шлёпнул бы её по попе!

Умник зарычал, чувствуя, что сейчас в нём что-то взорвётся.

– УУУРРРРРРДААА! ДАААА! ДА! ДА! ДА-А-А-А!

– Умник! Умник! Ты чего?! Умник! Тебе плохо?!

– НЕТ! ЧТО?!

– Умник... ты говоришь... Е***ть ту Люсю без баяна... – Фома, хлопнув себя ладонью по лбу, плюхнулся на колени и уселся прямо на землю с отвисшей челюстью и с широко распахнутыми глазами.

– НЕТ, НЕ ЛЮСЮ, – грубым хриплым голосом пророкотал мутант и сам же прикрыл лапой свой рот в изумлении.

– О-ОЙ! КХЕ! КХЕ! ФО-О-ОМА-А-А-А. – Уже осознано Умник попытался произнести слова, пробуя свои новые возможности и слушая свой собственный голос. Невероятно!

Во время этого занятия его и накрыло волной беспокойства. Ощувив часть стаи, которой было велено оставаться у города. Умник поспешил к Лешему.

– Высший, Младшие идут.

– Сюда идут?

– Да. По следу. Мы чувствуем друг друга.

– Далеко от нас?

– День.

– Хм... никак, стряслось чего. А ну, кликни мне Фому.

– Фо-о-ома-а-а-а-а! – хриплым басом пророкотал Умник во всю глотку.

Птицы, обосравшись, забыв, что они – стая, поспешно разлетелись в разные стороны, активно хлопая крыльями. Люди замерли, кто где стоял, и с испуганными лицами, глядели в сторону мутанта. Над лагерем сразу повисла мёртвая тишина.

– Что?! – как из-под земли возник слегка запыхавшийся Фома, переводя свой обеспокоенный взгляд с Лешего на Умника.

– Голоси-и-ист! Молодец! – ухая, как здоровая сова, посмеивался командир. – Всё никак не нарадуюсь!

– Вы чего, обалдели шутки такие шутить?! Я же думал, случилось чего?!

– Да не кипятись. Случилось, но вот голосище у него, о-О! – Леший потряс в воздухе здоровенным кулаком.

– Умник говорит, что Малые к нам чешут. Значит, в Светлом чего-то стряслось. Да не гляди ты на меня так. Если бы чего совсем плохое, он сказал бы уже. – Командир кивнул на рядом спокойно лежащего мутанта. – Раз молчит, значит, все живы.

– Встретить?

– Да вот, думаю...

– Сами найдут, – старательно зарычал мутант. – Мы, чем ближе, тем лучше чувствуем друг друга. Я уже их настроение ощущаю. Скоро и они моё уловят, тогда напрямую побегут, как на Зов.

– И как их настроение? – Фома не на шутку обеспокоился известием.

– Нормальное. Расстроены, но не сильно. Боятся немного. Они были на месте боя со скреббером. Обеспокоены. Думаю, ночью придут.

Умник говорил медленно, стараясь не пропускать и не путать буквы, выговаривая каждую. С дикцией у мутанта пока ещё были проблемы, речевой аппарат развит на уровне маленького ребёнка. Он и картавил и шепелявил, а иногда путал буквы местами.

Леший, поглаживая Алиску, сидел у входа в свою палатку и грелся на солнышке. Умник развалился поблизости, заняв почти всё свободное пространство у жилища. Зверюга рыжая растянулась на коленях человека во весь рост, блаженно шурясь и иногда зевая, показывая острые зубки и узкий, длинный, розовый язык. Дружбу с этими мутантами, которые пахнут почти как люди, она водила уже давно, нисколько их не опасаясь. После того, как её спасли, Алиса себя ощущала иначе. Много поменялось в её звериной жизни, да и жизнь стала уже совсем не звериной. За эти месяцы, проведённые с людьми и мутантами, она хорошо научилась понимать язык и тех, и других, а также она могла становиться полностью невидимой и бесшумной. Как же теперь стало легко охотиться, даже скучно, когда добыча достаётся так просто. Поэтому Алисе перестало нравиться использовать это умение во время охоты, зато оно отлично помогало прятаться от чужих людей и опасных Иных.

Леший, выслушав мутанта, отдал приказ Фоме:

– Ну, в таком случае, подготовь, предупреди всех людей, чтобы паники не случилось. К Умнику-то уже привычные, не должны сильно шарахаться. А кто идёт-то, Умник?

– Все.

– Ц-ц-ц, – покачал командир головой. – Ладно, придут – расскажут.

Фома ушёл. Умник нарисовал когтем на земле крест и, обведя его кругом, пророкотал:

– Погуляю. Недолго.

– Ну, сходи, – одобительно кивнул Леший.

Вернулся Умник раньше, чем ожидал командир.

– Высший, там карловы! Много. Стадо карлов! Кластер обновился. – Мутант показывал затянувшимся обрубком лапы в сторону реки, из которой носили воду в лагерь.

– О, как. А люди есть?

– Есть. Серые.

– Ага... – задумался Леший и достал рацию. – Фома, приём.

– Фома на связи. Приём.
– Сюда дуй. Конец связи.
– Чего, батька? – явился вызванный боец.
– Да вон, гулёна наш на кластер наткнулся со свежаками неиммунными и стадо карлов.
– Кого?
– Тьфу, ты! Коров! Пойди глянь да убери, пока в гости не явились. Нехорошо, что тут коровы поблизости прилетают... – Леший повернулся к Умнику. – Ты родню бывшую в гости не чувствуешь?

– Не. Только серые, – рыкнул Умник.

– Хорошо. Фома, Арману скажи, пусть переключку сделает среди наших баранов, и иди.

Боец направился выполнять указания, а мутант остался ждать его на окраине. Как бы хорошо люди ни относились к Умнику, но его хождение по лагерю всегда воспринималось крайне негативно. Люди бледнели, зеленели, оседали на подкосившихся ногах, дрожали всем телом и даже падали в обморок, но всё это молча, без визга и криков, что уже, безусловно, радовало. Не все так реагировали, но многие. Другие же, которые Умника не боялись, откачивали трусливых и сильно ругали несчастного мутанта.

* * *

Серыми оказались горе-пастух и две пары туристов, устроивших пикник недалеко от луга, на берегу реки, уходящей дальше на запад.

Оглядев из укрытия лагерь пока ничего не заподозривших туристов, Фома тяжело вздохнул.

– Дождаться обращения для души успокоения... или сейчас начать? – думал Фома, наблюдая, как парень в ярких жёлтых кедах и пятнистых спортивках жаловался девушке с зелёными косичками на головную боль и дурное самочувствие, греша на некачественную дурь и палёную водку.

Вскоре из второй туристической палатки показалась взъерошенная голова в дредах, прикреплённая к телу неопределённого пола. За ним выползло нечто, похожее на экваториального попугая.

– Что это ещё за чучелы? – усмехнулся удивлённый Фома. – Кислотники какие-то... – подумал он, разглядывая своих будущих жертв. – Жуткие зомбаки получатся... Ладно, приступим.

Уложив удобнее снайперскую винтовку, взял в прицел девушку с зелёными косичками. Следом уложил парня с дредами. Только после второго трупа радужно выкрашенное чудо заверещало писклявым женским голосом, а парень в ярких кедах попятился, тыча пальцем и тараща на завалившихся друзей, из-под голов которых явно растекалась кровавая лужица. Отработав и его, Фома перевёл ствол на визжащую девчонку и упокоил её навечно. Наступила тишина, лес замер. Осмотревшись, Фома бесшумно пошёл в сторону луга, убирать четвёртого будущего пустыша.

– Всё, батька, серых упокоил, бурёнок привязал, чтобы не разбрелись, хабар собрал и сдал Арману, пусть разгребает, что куда, а я управился, – боец отчитывался о выполнении задания.

– Хорошо, как раз будут на прокорм этим оглоодам. Умник где?

– Не знаю. Съел полторы коровы, сказал, что погулять пойдёт, и смылся.

– Как явится, пусть подойдёт, разговор к нему есть. А ты поешь пойдешь, там Руслана такое рагу мясное приготовила, пальчики оближешь.

– Ага, по запаху уже понял. Умник им полтуши занёс, так что ужин у нас из свежатинок будет.

– Давно нормального мяса не ели, угу. Ну, иди-иди, а то остыло уже, поди, всё.

Кухню и столовую приспособили под навесом, на открытом воздухе. Благо, погоды позволяли. За всё время вынужденного проживания в лесной глуши серьёзного дождя пока что не было. Женщины и мужчины трудились по сменам на заготовке дров, добыче воды, приготовлении пищи и на других мелких, рутинных, но необходимых работах. Нахлебники в лагере перевелись очень быстро, стоило только выгнать одного и то ненадолго. Вернулся к ночи и, обливаясь слезами и соплями, умолял взять его назад. Взяли. Теперь бегают по лагерю, как наскипидаренный, ещё и других подгоняет.

– М-м, вкусотища-то какая! – Фома подтянул к себе до краёв наполненную тарелку и втянул парящий над ней аромат, прикрыв при этом глаза от блаженства.

– Кушай-кушай, я ещё подложу, – девушка хлопотала, накрывая на стол.

– Не, не надо, вдруг не хватит кому.

– Все поели давно, а это я для тебя оставила. Ешь, – всё подкладывала и подкладывала Руслана Фоме самые сочные мясные куски.

– Может, тебе рюмочку после службы налить? – заботливо поинтересовалась девушка.

– Рюмочку – это можно, но только одну. Служба моя и опасна, и трудна, и ещё не окончена. – Пробубнил парень с набитым ртом.

– А когда же окончится?

– Когда домой вернёмся и вас всех разместим. Не пойму, это тушёнка что ли? Не думал, что из неё можно такой шедевр заварганить. – Запихал в рот очередной кусок.

Руслана принесла бутылку водки и пластиковый стакан.

– А сама чего? – поглядел Фома на сиротливо стоящую у бутылки посудину.

– Нельзя мне, я ж кормлю, – вздохнув, девушка прижала левой рукой груди четвёртого размера, чуть их подняв.

Фома замер и громко сглотнул. Глаза его утонули в вырезе кофточке среди двух огромных, мягких и таких желанных... полушарий... или, уже скорее шаров.

Девушка слегка покраснела, заметив такое внимание и поправив кофточку, немного отстранившись, налила сто грамм. Отставив в сторону бутылку, уселась напротив.

– Ну, ты кушай, кушай, – улыбнулась Руслана, показав свои широкие, как когда-то выразился Фома, лошадиные зубы.

Смутившись, парень активно заработал ложкой, упорно разглядывая содержимое тарелки.

Девушка не стала менять своё родное имя, хотя половина лагеря теперь ходили Анжелинами, Дианами, Афродитами и другими известными личностями. Дочь свою новорождённую, она принесла к Лешему и попросила его дать имя девочке. Растроганный таким поступком, закалённый боями и жизнью человек прослезился. Он взял в ладони кроху, которая практически полностью в них уместилась и, прислушавшись, произнёс:

– Велена! Что ести повелевающая! Дух у девочки, аки мамкин, боевым барабаном бьёт. Воином она будет, на кухне такую не удержишь. – И передав младенца матери, добавил. – Ох, и бедовая она у тебя будет, следи за ней, Руслана, крепко, воспитывай строго, иначе потеряешь рано.

– Спасибо вам, Леший, глаз с неё не спущу, – нежно прижав пищущий свёрток к груди, ответила счастливая новоиспечённая мамаша.

Руслана и сама росла девкой бедовой: и огонь, и воду, и медные трубы прошла в своё время. Детство её проходило в вечно воюющей стране, среди разрухи и беззаконья. Немного повзрослев, она вышла замуж за военного и по окончании его контракта покинула свою ненавистную родину. Горевать ей было не о ком, потому как с двенадцати лет росла круглой сиротой. Война забрала всё. Руслана долго стриглась коротко, мечтая о длинных волосах, и притворялась мальчиком, пока физиология окончательно не выдала половую принадлеж-

ность, вырастив на длинном, вечно тощем теле здоровенную грудь. Вот тогда-то пришли самые страшные проблемы. Девочка быстро сообразила, что лучше прибиться к одному мужчине, чем быть доступной всем, кому не лень, многие девочки поступали так, но нескладная внешность, с очень крупными и резкими чертами лица убивали все шансы на брак. Тогда она сбежала из города и вела ночной образ жизни, воруя, прячась и даже отстреливаясь, пока не попала в миротворческий войскам. Там её отмыли, откормили и пристроили помогать на пищеблоке. Два года работала за еду, жильё и безопасность, пока один из офицеров не сделал предложение. Одиннадцать лет они с мужем прожили в браке, но без детей и вот, наконец-то, судьба решила сделать ей ещё один подарок на её двадцатипятилетие в виде долгожданной беременности. Генеральская чета была вне себя от счастья. Муж собирался взять отпуск и отвезти её рожать в самую хорошую клинику страны, до его возвращения из очередной командировки оставалось два дня, когда случился этот злополучный туман. Руслану вновь занесло в адов филиал.

На Фому она сразу обратила внимания. Резкий, часто грубый, ненавидящий людей, но кинулся за чем-то спасти постороннего человека, хотя, по его словам: «Все свежаки – мясо, и нечего их жалеть, если у самих ума нет!». Но всё же спас. Это её и зацепило, заставив более внимательно присмотреться к парню. Прошло не больше недели после переноса в этот мир, но жизненный опыт подсказывал, что общество этих военных людей терять нельзя. С ними она и её дочь не пропадут.

Остров «Гнездовье Гидры».

– Ты уверен, что нам именно сюда? – Спросил я у Валдая.

– Давайте скорее! Вам ещё двери вскрывать! – призрак мерцал. Они всегда мерцают, когда нервничают.

По лесу уже отчётливо раздавался нарастающий треск и гул от сотен или даже тысяч лап. Первыми, естественно, пёрли Матёрые, а следом – все остальные. Встречаться с толпой элиты желания не было совершенно, и мы, встав на четвереньки, поползли в тёмную нору, подсвечивая себе путь налобными фонарями.

Иногда мне кажется, что Прапор запасливый, как швейцарский нож: у него всегда есть всё на все случаи; и я ничуть не удивился, когда он из кармана вынул это светящее устройство шахтёров, нацепив на голову, сунулся первопроходцем в открытый лаз. Рюкзаки сняли, и мне толкать приходилось сразу оба, и свой, и Прапора. Кир влез последним, что-то снова бурча на немецком, кажется, опять про старую лошадь. Понятно, его-то задница первая в меню, если не успеем сховаться. Я полз практически вслепую, часто получая ботинками по лицу, слушая сзади шум, пыхтение, возню и маты обоих товарищей, и урчание, то усиливающееся, то прерывающееся. Понимая, в чём там дело, я ничем не мог помочь, кроме как сильнее толкать рюкзаки вперёд. Ребята то отставали, то подпихивали меня, пока, наконец, я не вывалился в неизвестное чёрное пространство с металлическим полом. По матам Прапора и крошечной тьме понял, что с фонарём что-то неладно. Не успел я подняться или хотя бы перекатиться и предупредить Тороса, как тот сверзился на меня, и следом, прямо по нам очень быстро пополз Кир. Тут же раздалось очередное «Ур-р! Ур-р-р!», что я тут же перевёл как «Еда! Мясо!».

Я не услышал, как Кир махнул своей катаной, и тем более, ничего не увидел, только глухой стук упавшего округлого предмета, что, судя по звуку, покатился в сторону, а нас с Торосом обдало тёплой жидкостью из твари.

– Что за херня! Мать твою! Ни один фонарь не работает! – Слышались возня и мат Прапора, шорох и урчание в лазе, из которого мы выбрались. Видимо, ворочают труп, мешающий пролезть другим тварям. Я тоже проверил свой фонарь и с тем же успехом. Наконец, зажёгся свет, зелёный, от люминесцентной палки.

– Я же говорил: пригодятся! – Победоносно произнёс Прапор и заглянул в чёрную дыру, из которой доносилось многоголосое урчание.

– Сюда! Скорее! – Призывно махнул мне рукой Валдай и повёл нас вдоль тоннеля.

Кир изначально хотел кинуть мутантам подарок в виде гранаты, но, передумав, дождался очередного «голодающего», срубил ему голову клинком.

Поняв, что пролезть по трупу не получается, мутанты попросту вытолкали убитого и поплёрли живой рекой. Кир стоял над лазом и рубил головы, как капусту на совхозной делянке. Тело, сначала фонтанчиком, а потом толчками выбрасывающее кровь во все стороны, махом выталкивали, и появлялась новая голова. И так каждые полминуты. Мы разделились на пары, они с Торосом остались у входа, а мы с Прапором рванули к дверям, благо не сильно далеко, метров триста по достаточно широкому коридору, обшитому железом со всех сторон. Иногда на стенах и потолках попадались решётки, видимо, вентиляционные.

– Э-э-э, я не знаю, как это открыть, – Прапор пялился бараном на гермодверь без единой выпуклости. Ни ручек, ни винтов, ни кнопок – ничего, что могло бы помочь во взломе. – Зови Тороса, будем морозить и выбивать к тётке дьявола!

Я помчался, что было прыти обратно, подсвечивая дорогу одной из палок.

У запасливого Прапора их было шесть штук, но «ломать» третью он очень не хотел, опасаясь остаться в кромешной тьме, если мы вовремя не вскроем эту проклятую дверь. Я тоже не горел желанием бегать в тёмном коридоре, зная, что в стенах есть такие же люки, и в любой момент оттуда может вылезти заражённый. Скрипя душой, старый вояка выдал мне, всё-таки, зеленоватую подсветку.

Наши «палачи» за это время уже успели заскучать.

Кир стоял в сторонке, наблюдая за округой, а Торос самозабвенно рубил головы, показывающиеся из кучи трупов. Кровищи натекло море, и запах... никогда не привыкну к этой вони. Сменив товарища, пришлось заходить в кровавую лужу и делать мах, чтобы не дать вылезти этим тварям. Глянув на свои несчастные ботинки, я брезгливо поморщился и чуть не прозевал очередную конечность с когтями, а затем и голову. Вскоре по коридору прокатился грохот, спустя пару минут прибежал сам Прапор, взволнованный и злой.

– Парень в отключке, откат поймал, чёртова дверь не ломается. Хана нам, похоже.

– Как жаль, что нет никого хитрого, кто знает, как её открыть, – подумал я, вонзая в очередной раз свой топор в споровый мешок нового мутанта.

– Как это: нет, я пока ещё тут! – Раздался возмущённый старческий голос за моей спиной.

От неожиданности я отпрыгнул в сторону кучи трупов и тут же был схвачен за локоть когтистой, ещё пока рукой. В нору лезли только низшие заражённые, которые ещё не слишком изменились и выросли.

Хороший дар – Клокстоппер. Я и моргнуть не успел, как рядом обнаружил Кира и отрубленную конечность, висящую на своём суставе, а очередная голова катилась по полу, пачкая серое перекошенное лицо и волосы в тёмной кровавой субстанции.

Осмотревшись, я увидел в сумраке только двух командиров, которые сверлили меня недобрым, вопрошающим взглядом.

– Кажется, тут есть местный призрак, – пояснил я причину своей оплошности. – Попробую ещё раз вызвать его на контакт.

Кир молча кивнул мне, мол, вали отсюда, сам катаной помашу, иди связь налаживай, смахивая лезвием ещё одну башку.

– А я думал, тут нет никого, – попытался я настроить диалог, но в ответ лишь тишина – Ну, да, точно никого, показалось, значит! – Снова молчок. Я отрицательно покачал головой, ответив на вопросительный взгляд Прапора.

– Ладно, пойду сам открою эту вашу дверь, раз тут никого нету, – громко сказал я и представил мысленно дряхлого трясущегося старика с четырёх опорной подставкой для ходьбы и мочесборником в кармане.

– Ничего я не дряхлый! – Тут же раздался скрипучий голос. – Я ещё очень даже в форме!

Обернувшись, увидел деда в спецовке уборщика с бейджем, на котором указывалась его должность, какой-то номер и никакого имени.

– Добрый день, – поздоровался я с ворчливым призраком.

– Добрый?! Ты вот это называешь добрым?! – возмутился дед, тыкая кривым пальцем на кучу трупов и лужу крови. – Да тут никогда в жизни такой грязи не было! Супостаты!

Как говорила покойная Тамара: Ко всем есть подход, только нужно его найти.

– Понимаете ли, уважаемый, эти заражённые создания будут лезть сюда до тех пор, пока чувствуют тут нас. Мы для них – еда. Но мы не желаем быть съеденными, а потому вынуждены убивать их и тем самым создавать бардак на вверенной вам территории. Если вы не хотите продолжения этого безобразия, то помогите нам открыть вон те двери и покинуть вашу территорию.

– Он меня ещё учить будет, кто это и зачем лезут... – Дед пристально, с прищуром уставился мне в глаза и, немного помолчав, исчез.

Я разочарованно вздохнул и снова отрицательно покачал головой парням.

– Ну?! Долго я ещё тебя ждать должен?! – Раздался голос деда из глубин коридора.

Видимо, моё лицо озарило надеждой и счастьем, потому как Прапор хмыкнул, оскалившись фирменной улыбкой.

– Справишься? – Спросил он у Кира.

– Да идите уже! Свет мне оставь, эта уже еле дышит.

Добежав до дверей, я нашёл под ними сидящего Тороса, в обнимку с флягой, и абсолютно целые двери, без малейшего следа взлома.

– Интересный металл, – подумал я, щупая гладкую, матовую поверхность.

– Сам ты – металл! Неуч необразованный! И чему вас только в школах учат! Отсталые параллели... Сюда иди! – бурчал старик, указывая на квадрат немного отличающийся по цвету от массы двери. – Жми.

Приложив ладонь, нажал. Клацнуло, и чуть ниже выдвинулась панель с сенсорными кнопками. Чёрточки, закорючки – ничего не понимаю.

– Какой пароль?

Дед ответил, но это мало чем помогло. Вновь посмотрев на эту письменность, я попросил его показать, какие кнопки жать. Дед психовал, злился, бурчал, но показал. Дверь шикнула, как змея, и начала терять плотность, в итоге и вовсе растворилась в воздухе. Прапор на ускорении рванул за Киром. Орать не решались, боясь нашуметь – мало ли что. Рации не работали. Вообще никакая техника тут не работала. Даже часы. Вскоре оба показались у порога, не решаясь переступить.

– Уважаемый, а как дальше? – Спросил я деда, надеясь на дальнейшую помощь.

– А дальше, это уже не моя территория. Идите же, вы мне весь порядок нарушили! Столько лет чистоты, и что теперь с этим делать?.. – бубнил уборщик, спеша в обратном направлении.

Подхватив Тороса, мы вошли в точно такой же коридор. Дверь за нашими спинами вновь шикнула и прочно встала на место. Пока она ещё была полупрозрачной, мы увидели несущихся в нашу сторону двух бегунов.

– Ты хоть помнишь, чего там тыкал? – спросил Торос, с опаской косясь на двери.

– Помню. Но не думаю, что теперь стоит их открывать.

– Ну да, ща как поналезут. И куда теперь?

– Вперёд! – зло рыкнул Прапор и пошёл в другой коридор первым.

Следующую дверь открыли без проблем и, пройдя ещё несколько метров, упёрлись ещё в одну, но уже, вроде как, из другого материала. Набрав два раза код и не получив положительного результата, я предложил ребятам подождать меня тут, пока мы с Валдаем сходим к скелету, валяющемуся по ту сторону, и заберём смарткарту, висевшую на шее бывшего сотрудника. Возможно, с её помощью получится отпереть и эту дверь.

Получилось. Дальше шли ещё минут сорок. Коридоры разветвлялись, но Валдай вёл нас целенаправленно, правда, иногда ненадолго исчезал.

Всё, пришли. Там оборудован зал управления. Думаю, тут сложная защита, и обычным пластиковым ключом не обойтись. Так и оказалось. Замок потребовал сканирование сетчатки глаза и сообщил, что ни у кого из нас нет доступа.

– Ну, что, иди сам, значит, а мы тут пока посидим, поедим, в конце концов. У меня желудок судорогой скоро сведёт. – Кир полез в рюкзак за «перекусом».

Несколько раз я пытался призвать местных призраков в тщетной надежде, что хоть кто-то да и остался. Но, похоже, что все ушли за грань, кроме сварливого уборщика. Печально, блин.

Подсвечивая себе люминесцентным фонарём, я принялся срочно изучать панель управления, но моих познаний в этой области явно было недостаточно. Выручил молодой парнишка, призрак, один из команды Зумы – разведки. Он когда-то давно согласился помочь в поисках скреббера, который его убил, но со временем так с нами и остался.

– Вот сюда теперь жми, и вуаля, – улыбнулся парень, когда вокруг в помещении замигали, а потом загорелись сразу все лампы, и заработала панель. На одном из оживших экранов я увидел своих друзей, находящихся в коридоре.

– Та-а-ак, а тут у нас что? – призрак изучал панель управления и, спустя пару минут, разочарованно сообщил, что ничего в ней не понимает. Это совершенно незнакомая техника, а главное, письменность.

– Знать бы, что эти чёрточки значат, ещё можно было бы разобраться, а так, не, Док, извини, я, боюсь, натыкаю чего ненужного, и ряды нашего призрачного отряда пополнятся ещё на четверых.

– Не нужно. Мы пока побарахтаемся в этом измерении. А как дверь открыть, обойдя чёртов замок, знаешь?

– Да просто вот сюда нажми, и она откроется. Это с той стороны не попасть без разрешения, а тут вот, обычный сенсорный открыватель.

Я усмехнулся, насколько я идиот, что даже не догадался посмотреть на дверь с этой стороны.

– Смотри, Док, – вновь окликнул меня призрак, – кажется, вот тут управление внутренними камерами слежения, а вот это – наружные. Попробуй переключить.

– Минутку, – ответил я парню и впустил товарищей.

Растолковав уже имеющуюся информацию друзьям, мы с парнишкой приступили к изучению управления видеокамерами методом «научного тыка». Остальные внимательно наблюдали за мной.

– Я, кажется, знаю этот язык, – вдруг произнёс Кир после долгого разглядывания. – На Шумерский похож.

– И что тут написано? – удивлённо уставился Прапор на Кира.

– Да примерно то же, что и на клавише компа, только более обширно. А, ну-ка, пустите-ка меня, – подтянув кресло, Кир уселся за операторский стол и нажал сбоку одну из дальних сенсорных кнопок. Появилась голограмма с плывущими столбиком сверху вниз строками на этом же языке. Кир внимательно читал. Мы даже дышали тихонько, стараясь не отвлекать нашего гения лишними звуками.

Покончив с чтением, Кир размял пальцы, словно пианист перед инструментом, и принялся за дело с видом бывалого знатока. В воздухе появилось несколько экранов, и мы увидели,

что происходит на улице. Сначала лес. Потом опять лес, но уже другой. Болото, ещё болото, детский лагерь, разломанный кластер с провалом, часть какой-то деревни, город...

– Ага, нашёл... Так, так... – бормотал Кир с очень сосредоточенным видом.

Картинки города сменялись одна за другой, но Кир всё больше напрягался, ища что-то конкретное.

– Так, вот и наша девочка. Отлично!

«Наша девочка» ела элитника средних размеров, а второй и ещё три рубера, спокойно стояли в очереди под действием её смертельных чар, любовно глядя на скреббершу.

– Вот же проглотина! Неужели она их всех сейчас съест?! – удивился Торос.

– Не, за раз навряд ли. Скорее всего, просто рядом с собой держать будет, до следующего обеда, – шёпотом предположил я.

Кир принялся дальше переключать картинки, но, так и не найдя Муху, снова вернулся к чтению, видимо, какой-то инструкции.

– Не пойму... не вижу... – бормотал Кир, перебирая в воздухе голограммные символы.

– А-а! Вот! – Дотронувшись до одного из символов, висящих над панелью в воздухе, вызвал карту и на ней – две красные точки.

После увеличения масштаба я понял, что одна точка – в городском кластере, а другая – в лесном.

– Это скребберы? – Не выдержало моё любопытство. – Как ты так сделал?

– Не мешай. – Кир ещё увеличил масштаб, так, что стали видны деревья и, наконец, показался сам Муха.

Он метался по небольшому участку между высокими деревьями, то замирал и внимательно вслушивался с закрытыми глазами, то снова срывался с места и бежал, но вскоре останавливался, вновь вслушивался и бежал обратно. После нескольких таких забегов Муха, остановившись, упал на колени и заорал от непонимания и горя потери.

– Блин! Да он же нас ищет!

– Да. И, кажется, нашёл, только не понимает, где мы. А мы – во-о-от тут! – Одно касание определённого символа, и картинка сменилась. Теперь я видел лабиринт ходов подземного строения, четыре зелёных точки и одну красную.

– Мы прямо под ним. Он нас чувствует, но не понимает, где мы находимся.

– И как теперь дать знать о себе? Да он же сейчас с ума сойдёт! – Распереживался весь Торос и заметался по помещению.

– Не знаю, я только с изображением разобрался и то не полностью, – ответил задумчивый гений, продолжая изучать виртуальную писанину в воздухе.

– Кир! А, если он нас так хорошо чувствует, и если я сейчас, допустим, пойду в другое помещение, как ты думаешь, Муха заметит это передвижение?

– Что ты задумал?

– Пока ещё сам не понял, но что-то крутится в голове.

– Ну, так сходи в коридор, а мы посмотрим за реакцией парня.

Торос стремительно направился к дверям.

– Стоять! Смотрите на него, прыткий какой! Куда сам пошёл, без напарника?! И чему я вас только столько времени учил. Пошли! – негодовал Прапор.

Кир переключил экран на обычное видеонаблюдение.

Интересная система наблюдения, как спутниковая. Хотя, почему бы и нет...

Муха уселся чётко над нашими головами и медитировал. Вдруг резко вскочил, потоптался немного на одном месте и неуверенно, но всё же двинулся следом за Торосом и Прапором.

– Есть! Идёт за вами! – Крикнул я на радостях.

Они довели его до самых первых дверей, за которыми, по идее, должно сейчас собраться нехилое зомбистолпотворение. Стал вопрос об открытии входа. В тоннеле не работали не только фонари. Из оружия действовало только холодное. Весь огнестрел вышел из строя. Двое, пусть и бывалые бойцы, но считай, с голыми руками против толпы мутантов – это даже для них не под силу. Мы с Киром наблюдали и за ребятами, и за Мухой.

Альбинос, постояв немного и поняв, что Прапор с Торосом дальше не идут, начал искать вход. Кажется, до него дошло, что мы в подземном бункере и что друзья пытаются показать ему вход. Но до этого входа было не меньше трёхсот метров по прямой, и ещё неизвестно, сколько в сторону, вдоль узкого лаза.

– Кир? – Я посмотрел на командира.

Тот молча поднялся, и мы лёгким бегом, чтобы не сбить перед боем дыхание, направились к друзьям.

Быстрым движением Кир набрал пароль, и дверь, шикнув, стала терять плотность.

Мы приготовились к бою.

Такое ощущение, будто эта толпа специально стояла прямо под дверями в полной уверенности, что они вот-вот откроются, и их там вкусно покормят.

Толпа медленных зомби, еле идущих с вытянутыми вперёд руками? Да бросьте! Если бы!

Настоящая волна из стремительных, бегущих тел, буквально, хлынула, обтекая купол Кира и накрывая его сверху! Свет померк в считанные секунды, заграждаемый этими телами. Мутанты неслись, прыгая сверху, отталкиваясь от своих же собратьев, от стен и от всего, от чего можно было оттолкнуться, многие бились в кровь и даже насмерть о прозрачную преграду. Растягивались и скатывались с вывернутыми шеями, другие же целенаправленно долбили головами, скреблись быстрыми движениями в попытке добраться и ухватить такую близкую, но огрызающуюся еду. Мы работали изо всех сил, стараясь успокоить как можно больше заражённых, прореживая их ряды десятками, пока купол держался и защищал нас.

Полусфера, вся облепленная телами, непрерывно светила голубым переливом, пожирая человеческую энергию. Кир слабел на глазах. Ещё пару минут, и всё, сил у командира не останется, а мы перед боем все съели по жемчужине, предполагая, что предстоят нешуточные затраты для использования даров на полную катушку. Что было бы, не будь этого запаса манны спорановой. Как раз для вот таких случаев у каждого из нас имелся в наличии специально подобранный Батоном набор жемчуга: две чёрных и одна красная, или розовая. Дорого? Безусловно, но не дороже жизни. Тем более, каждый член нашей группы спокойно мог себе это позволить.

– Почему многие «Старики» Стикса исчезают, уходят в отшельники или вообще в неизвестность? Ходят целые легенды о том, куда деваются люди, прожившие в Улье больше пятидесяти лет. Я думаю, им просто становится скучно. Они теряют вкус жизни, потому как достигли всего и имеют всё. Они теряют ощущение ценности, потому что достаётся всё значительно легче прежнего, и казавшееся ранее важным и нужным теперь для них такая мелкая, ничтожная и ненужная суета, что просто тошно даже со стороны смотреть на эти потуги и амбиции, а самому в них участвовать, так и вовсе смерти подобно. Зелёной такой, тоскливой, медленной смерти. Ух, какие мысли полезли в голову-то во время боя! – Удивился я, вынимая из глазницы лезвие ножа и снова нанося такой же удар следующему «клиенту».

– Готовсь! – Рывкнул Кир, предупреждая о снятии защиты. – Три! Два! Один!

В этот момент появились призраки из нашего подразделения и, подсоединившись к моей энергетике, встали внутри пока ещё действующего купола, между нами и мутантами, образовав второй круг. Это, конечно, не Мухина защита и даже не Кира, но, всё же, они не дали задавить нас массой, позволяя нам сохранять крохотную дистанцию для манёвров.

Боковым зрением я заметил, как Тороса выдернули в толпу и как застыли тела.

– Сместись в сторону! – крикнул Прапор

И мы потихоньку начали движение в сторону замороженных зомби, очищая пространство под куполом.

Мне казалось, что этот кошмар никогда не закончится. Руки уже настолько устали, что я их, практически, не ощущал. Тело двигалось чисто на инстинктах и вбитом тренировками опыте. Размахивая оружием во все стороны, стоя плечо к плечу с товарищем, начинаешь думать: «Только бы не зацепить друга!».

Образовав треугольник вокруг Тороса, заваленного замороженными телами, мы держали каждый свою сторону, прикрывая спину двум сзади стоящим: «Убьют тебя, доберутся до них, вот и стоишь, не на жизнь, а на смерть, не за себя, за друзей, за семью».

Прапор умудрялся хрипло материться и даже иногда перехватывать то моих, то Кировых нападающих.

Кир сильно ослаб после наведения купола. У него был выбор: или Купол, или Клокстоп-пер, но увидев, что творится за дверью, тут же накинул на нас защиту.

Я же, самый зелёный и неопытный, да к тому же ещё и кормящий одиннадцать призраков. Вся энергия съеденного перед боем жемчуга шла только на них, вот Прапор и отдувался теперь за всех с утроенной скоростью.

Мутанты закончились как-то очень резко: вот, вроде, вижу перед собой сразу с дюжину оскаленных харь – одна из них вцепилась в мою левую руку, пытаясь прогрызть наруч, получила остриём топора в висок. Выдернув его, режущей кромкой чиркнул по горлу второму, облившись в бесчисленный раз смрадной кровью. В то же мгновение пнул кованым ботинком особо умного, пытающегося зайти снизу, кажется, полностью выбив заражённому нижнюю челюсть.

– Вот теперь попробуй, укуси, падла! – пронеслась в голове мысль.

Видю, как я стряхиваю труп с левой руки, и тут же снизу-вверх вспарываю живот не в меру упитанному мужику.

– Ого! – подумал я. – Как пролез-то в узкий лаз?!

Полоснул ножом по горлу ещё одному и, наотмашь ударив седьмого, восьмому, который летел, в прыжке нацелившись на мою шею, сунул в пасть руку в наруче и тут же воткнул в споровой мешок лезвие ножа. И всё!

Я стоял, дыша со свистом, и хрипел, озираясь, как загнанный зверь в поисках противника, но вокруг были только трупы, трупы и трупы.

Руки периодически вздрагивали, словно их били несильным разрядом тока. Матерная брань Прапора и пыхтение Кира вывели меня из кратковременного оцепенения.

– Ну же! Давай! Давай дыши же, сукин ты сын! – Прапор делал массаж сердца на окровавленном теле, в котором Тороса узнать было просто невозможно.

Его эта кровь или нет, не понять, но он, буквально, в ней плавал.

Я кинулся к другу, схватив его за руку, качнул мощный поток энергии, забыв про то, что на канале ещё сидят призраки, отчего Тороса выгнуло дугой, а я чуть не потерял сознание.

– Есть пульс! – сообщил Прапор.

После этих слов я выпил половину фляги с живцом, потрянул головой, нечаянно обдав лицо Прапора кровавыми брызгами, слетевшими добротным каскадом с моих волос, и принялся за диагностику и врачевание друга.

Прапор охранял нас с Торосом от форс-мажорных обстоятельств, а Кир умчался за Мухой.

Глава 4

– Ich bin ein blöder Esel! [нем. я – глупая задница!], – выругался Кир, оторвав меня от размышлений, и вновь его пальцы принялись перебирать символы, открывать какие-то новые окна, в итоге он вывел на вирт-экран карту бункера.

– Лабиринт Миноса в натуре. – Задумчиво поглаживая лысый затылок, произнёс Прапор, стоя за спинами ребят.

– Нет, не Миноса, а тех ублюдков, которые создали этот Ад, – ответил Кир с сосредоточенным видом, не прекращая работу с символами.

– Уверен?

– Полностью. Вот, смотри сам, – вывел на экран таблицу, – это управление перезагрузкой кластера. Выбираешь нужный, выставляешь время и задаёшь программу.

– Да ну на! – Прапор подскочил к Киру, отодвинув в сторону стул вместе с сидящим на нём Мухой, и уставился на указанные символы.

– Ни-и-ихрена не понимаю! Что это?! Как вообще тут можно разобраться во всём этом?! Как оно работает?! Что, серьёзно можно отсюда загрузить, прям, любой кластер?!

– Да, вот смотри в этом радиусе, – Кир показал карту достаточно обширной территории. – Весь остров и часть болот в округе.

– А дальше?

– А дальше ничего нет. Видимо, база рассчитана только на это, – обвёл пальцем границы карты.

– Может, ты плохо разобрался? Почитай-ка ещё разок. Точно, только эта территория? Может, там переключать по регионам можно. – Вояка заходил то с одной стороны кресла, то с другой, разглядывая непонятную писанину на панели и картинки, висящие в воздухе.

Прищурился один глаз, Кир посмотрел на суетящегося Прапора и рассмеялся от всей души.

– Закатай губу, Mein Führer! – хлопнул друга по спине. – Не будет тебе власти над планетой!

Прапор замер, переведя взгляд на Кира, и ничего тому не ответив, молча отошёл от стола. Заложив руки за спину, принялся мерить широкими, резкими шагами комнату, напряжённо размышляя. Похоже, ушёл в себя глубоко и надолго.

Кир вернулся к изучению окошек, что-то обсуждая с Мухой, пока мы с Торосом доедали последние припасы, восстанавливаясь, он – после ранений, а я – после истощения, и наблюдали за работой ребят, внимательно слушая диалог.

Серьёзных ранений у Тороса не оказалось, его просто придушили массой тел, но вот лицо обглодать, отгрызть часть кисти на одной и несколько пальцев на другой руке за несколько секунд успели. Заморозив себя вместе с мутантами, Торос образовал тем самым своеобразную защиту из их тел и, если бы не «куча мала» сверху, то и откачивать не пришлось бы.

– Писсец, красав! – первое, что он сказал, поглядев на своё отражение в уборной, когда отмылся от крови.

Полное отсутствие губ сильно затрудняло речь, но я и так всё понял.

Кончика носа тоже не обнаружили после умывания, как и части щеки, скулы и уха. Спасибо кевларовой спецовке, которую мы тогда нашли в гаражном подвале моего соседа. Она не дала прогрызть или разорвать живот и другие жизненно важные части тела, высокое горло хорошо закрыло шею от укусов. Жалко, что Торос не носил перчаток из-за своего дара, а так бы и руки целы остались.

Но, ничего, я ему ускорю процесс заживления и, спустя неделю станет как новенький, а то он, бедолага, совсем распереживался, что его пристрелят, приняв за недоеденного пустыша.

Вот мы с ним и приговорили все съестные запасы, буквально, за вечер.

Я ел, лечил и спал, потом снова ел и опять лечил, и опять ел, а Торос только ел и спал. Во сне регенерация происходит гораздо быстрее.

Но голод нашей группе не грозил потому как Кир обнаружил несколько затаренных коробками складских помещений и две столовые.

После подключения электричества заработали все камеры и, разобравшись немного с пультом, Кир понял, как открыть любую дверь. Нам теперь не нужны никакие пароли или пластиковые ключи.

Гениальный человек гениален, практически, во всём, слышал я не раз такое высказывание и теперь убедился в этом воочию.

Одно только знание Шумерского языка меня ошарашило немало. Когда же он стал нам рассказывать и показывать, что можно сотворить, сидя за этим «СТОЛОМ БОГА», то челюсть отвисла не только у меня, но и у Прапора, прожившего в этом мире не один десяток лет и навидавшегося такого, что и удивляться чему-либо перестал уже давно.

Для пробы и наглядной демонстрации умений перезагрузили несколько кластеров.

– Нет всё же физика и квантовая механика, это не моё однозначно! – высказался я, не выдержав нервного напряжения. – Мультиверсум реален! – Схватился я за голову, когда увидел схематическое изображение перехода от Вселенной к Вселенной и в Параллельные миры-планеты.

Выглядело всё это настолько мозговышибательно, что у меня даже заболели виски от напряжения в попытке понять: что, куда и откуда. Кир же спокойно плавал во всём этом, как рыба в воде. Прапор тоже усиленно осмысливал увиденное, и, судя по его выражению лица и вспотевшей лысине, не очень удачно.

Кир мог войти в любую Параллель вверенного участка планеты и выбрать любой кусок для перезагрузки, даже вплоть до одного отдельного дома, самостоятельно переустановив границу переноса. Мало того, он мог зафиксировать одного конкретного человека, который потом отображался в следящем режиме, где бы ни был и чем бы ни занимался. Такое впечатление, словно над его головой постоянно летала видеокамера и передавала не только картинку, но и состояние здоровья, как физического, так и психологического. Как они это делали, что за следящее устройство, я даже и думать не хотел. И без того мозг уже кипел.

Ещё он нашёл кучу записей подобных наблюдений – целую мега-видеотеку. Просмотрев несколько штук, мы пришли к выводу, что эти уроды реально ставили эксперименты над людьми. Записи отслеживали конкретных людей, как в их мире, до переноса, так и в этом.

Я задумался: а случайно ли я сюда попал, или действительно кто-то подглядел мои интересы и взял на карандаш и теперь ведёт как подопытного мыша?

Спустя несколько часов, Кир выключил всё, и мы сидели молча, тупо пялясь в одну точку, переваривая шквал информации. Это было тяжело для всех, без исключения.

Сколько мы так просидели, не знаю, но, в конце концов, расшевелились немного, ожили.

– Ур-р-р-р! – заурчал мой желудок, пародируя мутантов.

– Ну, и кто пойдёт за едой? – усмехнувшись, посмотрел на меня Прапор. – Кто всё сожрал, тот пусть и идёт, – сам же и ответил, оскалившись в улыбке.

– Да не вопрос, – пожал я плечами. – Торос, ты как, потерпишь немного? Хлебни пока раствор гороха.

Тот только кивнул в ответ.

– Муха, с ним иди, – отдал приказ Прапор и уселся на освободившийся стул.

* * *

– Ты точно запомнил карту? – спросил я после десятиминутной прогулки по коридорам и лифтам бункера.

– Не ссы, – усмехнулся альбинос, – тут она, – и постучал себя пальцем по лбу.
Кроме давнишних скелетов в бункере не было ни души, даже крыс.

Не успевали мы подойти к очередным дверям, как они или уползали в стену, или растворялись в воздухе, открывая нам дальнейший проход. В сторонние помещения нос свой не совали, так как кушать хотелось очень, а время не резиновое, хотя, мне кажется, я уже ничему не удивлюсь в этой жизни.

– Припёрлись, супостаты! Что, и тут мне теперь гадить будите?!

От неожиданности я дёрнулся, а Муха тут же раскинул защитный купол.

– Отбой. Это номерной дед, – поспешил я успокоить друга.

– Какой дед? – Муха уже стоял в боевой готовности с двумя изогнутыми, здоровенными ножами, больше похожими на серпы, чем на боевые ножи.

В нашей группе все обучены двуручному бою, на этом настаивал Леший, сам же и учил молодёжь. Вот следствие тех навыков.

– Есть тут один, – усмехнулся я, посмотрев на набыченного призрака, – любитель порядка и чистоты под землёй, блин.

– Призрак, что ли? – Муха убрал защиту и посмотрел по сторонам, будто пытаюсь увидеть этого самого призрака.

– Ага. Злющий, до жути, – я улыбнулся спутнику.

– Поскалься мне ещё, угу, – угрожающе сказал уборщик. – Я тебе потом во сне всегда являться буду, пока не взвоешь.

– Да, ладно, я же без дурного умысла. А чего это вы сейчас тут? Как же ваша территория? – пока я говорил с призраком, Муха уже приступил к активным поискам продуктов для перекуса.

– Накрылась моя территория медной посудой, благодаря вашим же стараниям. Здесь теперь жить буду! Усвоил?

– А-а-а... переехали, значит. Понятно теперь, – я уже осматривал новые владения ворчливого старика, выискивая взглядом, чего бы сожрать.

Дед раздражённо фыркнул и уселся на один из многочисленных ящиков, которые Муха уже принялся потрошить с обозначенной целью.

– Скажи этому паршивому скребберу, чтобы не мусорил тут! – указал он на рассыпанные брикеты. – Немедленно!

«О, как! Дед уже понял, что Муха – скреббер? Хм...» – подумал я, распаковывая что-то, похожее на кусок хозяйственного мыла, судя по запаху, нечто копчёно-мясное.

– Муха, бардак ток не наводи, уборщик злится! – крикнул я товарищу, с подозрением разглядывая свою коричневатую добычу.

– Постараюсь! – донеслось из глубин склада чавкающим голосом.

– С чего вы взяли, что он – скреббер? – я всё же решился откусить кусочек брикета.

Дед наблюдал за мной с усмешкой.

– Ага, ты мне ещё Расскажи: кто он! Может, кроль пасхальный?! – сказал он с издёвкой и закинул ногу на ногу.

– Разве призраки могут видеть и определять породу местных существ? – уже основательно вгрызаясь в брикет, который оказался очень даже вкусным.

– Призраки – нет, а вот я могу, – с гордостью заявил подземный призрак. – Дар у меня такой при жизни был.

Я, прихватив рядом стоящий табурет, уселся напротив деда с огромным вопросом на лице, предвкушая интересную беседу.

– Что, любопытство гложет? – усмехнулся старикан.

Но, каким бы он ни был вредным, я прекрасно понимал, что много лет в полном одиночестве кого угодно сделают разговорчивым, а если этот человек до сих пор остался в нашем

измерении, не отправился в свет и обрёк себя на такое вот существование, значит, на то есть серьёзные причины. Мне бы очень хотелось их узнать, и ещё много чего об этом месте и этом мире от самого представителя создателей сего безумия.

– Ещё как! – устроился я поудобнее, поставив ноги на перекладину и разворачивая ещё один кусок «мыла».

– Ну, тогда спрашивай. Что хочешь знать? – дед прямо распирало от важности.

– Всё. – Принюхавшись к странной еде, убедился в её прямом назначении, мало ли, вдруг, правда, мыло попало, и, вгрызаясь зубами, ощутил во рту вкус курицы.

– Ха! Деловой какой! Скромности тебя, гляжу, не учили. Конкретнее давай свои вопросы.

– Почему вы ещё тут, на этой стороне, в этом измерении?

Призрак вдруг начал мерцать и таять прямо на глазах.

Испугавшись, что он исчезнет, я соскочил с табурета и «стрельнул» тонким лучиком энергии. Дед тут же притянулся к посылу, впитав в себя живительную струйку.

– Ещё! – Выдохнул он, удивлённо рассматривая свои руки, которые стали почти как у живого человека.

Я выпустил тоненькую нить, прочно подсоединив призрака к «подзарядке».

– М-м-м, бодрит-то как, – ощупывал своё тело дед, сжимал и разжимал пальцы рук, приседал, вскакивал и крутил торсом.

– Вам уже лучше? Что случилось?

– Нервы... Они отнимают много сил, которых и так уже, практически, не осталось, а ты задал очень нехороший вопрос. Ну, раз так, – скосил он глаза на нить, – то, пожалуй, можно и об этом поговорить.

Разговаривающий с воздухом человек в лучшем случае вызовет подозрения о психической состоятельности у стороннего чела, но друзья терпеливо ждали окончания затянувшейся беседы.

Уже и Прапор приходил, отнёс парням еду, а меня Муха подкармливал во время сеанса общения: затраты-то нешуточные, могу и помереть от истощения, если не поглощать «топливо» для переработки. Не, можно, конечно, и жемчужину схарчить, и превратиться в эдакую ядерную мини-электростанцию, но, если есть возможность обойтись без таких баснословных затрат, то почему бы и нет.

Товарищ крутился поблизости, не зная, чем себя занять, битый час маясь от безделья, а мы всё беседовали.

* * *

– Дурак я был, молодой и амбициозный. Сам виноват, сам сгубил всю свою семью, вот только, понял это слишком поздно, и то, что творится тут, тоже осознал поздно. Деньги привлекли, хорошая и долгая жизнь без болезней, а главное, сертификат, вот и подписал контракт, и жену уговорил. Мы переехали в город закрытого типа, жена работала обычной медсестрой в местной больнице, а я компьютерным техником. Я – одарённый математик и физик, без образования, чисто от природы. Из-за моей способности починить любую аппаратуру меня-то и пригласили в корпорацию, пообещав карьерный рост, светлое будущее мне, жене, не родившемуся пока на тот момент ребёнку, и бесплатные вакцины от старения и всех заболеваний. Такие вакцины могли позволить себе только очень состоятельные люди, а я не входил в их число никогда. И ещё – образование. Оно у нас очень дорогое, и каким бы ты гением ни был, но, если не располагаешь внушительными суммами, работать тебе тогда не выше технического рабочего. Я – компьютерный гений, а всю жизнь пропахал сраным наладчиком и ремонтником.

– Почему такая несправедливость?

– Перенаселение. Когда всё слишком хорошо, рано или поздно станет очень плохо. Развитие страны дало большой скачок технике, прекратились войны, люди стали стремительно развиваться и плодиться. Учёные освоили космос и наладили контакты с другими расами, появились немыслимые технологии, а потом начались проблемы. Голод, болезни, нехватка ресурсов, мест для проживания. Многие покинули планету, но и там было всё ограничено и далеко не так радужно, как казалось вначале. Как говорят, везде хорошо, где нас нет, – старик горько усмехнулся. – Но всё это происходило ещё до моего рождения.

– Когда я появился на свет, то жизнь на Земле стала уже настолько паршивой, что и жить-то не хотелось. Каждый незаконнорождённый ребёнок, без сертификата, уничтожался вместе с родителями. Сертификат на рождение стоил просто немыслимо дорого, дети были только у высших слоёв населения, а все мы дохли, как мухи, от различных болезней, занесённых на планету другими расами. Мои родители – из среднего слоя населения, и ради меня продали всё, взяли кредит, который закончил гасить уже я. Когда друг моего отца, который сильно поднялся в положении за эти годы, предложил мне переехать в «Закрытый город», то я, естественно, согласился не задумываясь.

– Спустя пять лет отработки нам выдали разрешение на ребёнка, и мы родили сына, – призрак снова замерцал.

Я усилил поток направленной энергии.

– Да, спасибо, – голос старика дрожал.

Судорожно вздохнув, он продолжил своё повествование:

– Всё было хорошо, до тех пор, пока нас с женой не повысили и не дали допуск на посещение нижних этажей. Кларочка была очень старательной, умной и, получив бесплатное образование, перешла работать в лабораторию по изготовлению вакцины. Меня же, тоже после обучения, посадили за пульта управления по перезагрузкам. Дамирис вырос способным мальчиком и стал врачом, получил звание, номер и допуск на выход в «Теплицы». Так у нас называют ваш Стикс.

Взяв небольшую паузу, тяжело вздохнув, призрак продолжил рассказывать дальше:

– Люди, работающие на корпорацию, не стареют, потому как получают сыворотку, но тех, кому далеко за семьдесят, тихонько убирают под видом несчастных случаев, с целью освободить пространство для следующего поколения. Бывает, «старик» остаётся на своём посту и гораздо дольше, но это в тех случаях, когда он настолько гениален, что заменить его нечем. Закрытый город – территория ограниченная, сертификат на рождение ребёнка даётся по контракту каждой семье. Даже, если кто-то что-то и замечает, то нос не суёт не в своё дело, потому как особо любопытные тоже гибнут при странных обстоятельствах. Все прекрасно понимают, что город не резиновый, – старик вздохнул, затем продолжил:

Я многое повидал, сидя за пультом, в том числе и смерть своего сына, единственного сына. Он не смог пережить спокойно утрату матери, потому как сам являлся медиком и лично следил за нашим с ней здоровьем, регулярно вводя вакцину. Она, ну никак, не должна была скончаться от сердечного приступа, но скончалась, и он стал копать, искать причины смерти. В итоге, совсем скоро ему попался неисправный защитный костюм... Я наблюдал, как мой мальчик превращается в чудовище... и ничего не мог поделать.

Помолчал немного.

– Единственное, что я всё же сделал, это разослал записи слежения за некоторыми объектами по Параллельным мирам, в их Интернет-сети и на Персональные компьютеры тех особ. Да, да, в те самые Миры, с которых снимались копии. Куда, кому и что попало, не знаю, но я очень надеюсь, что эта информация попала хоть в одни правильные руки и хоть кому-то смогла помочь выжить в этом аду.

– Ну, а потом я заблокировал все двери, чтобы ни одна крыса с Корабля не сбежала, и перезагрузил этот стабильный кластер вместе со всей системой, забросив сюда проклятый

Бункер вместе с лабораторией и всем персоналом, – дед блаженно улыбнулся, улыбкой праведника...

– Мда... дела, однако... – я в полушоковом состоянии переваривал услышанное. – Но, почему тогда скелеты все без изменений, кости чисто человеческие целы. Обращения не было что ли совсем?

– А ты внимательный, – грустно улыбнулся призрак. – Молодец... Не обращались, правильно. Задохнулись... Они включили запасное управление и, блокировав меня, загерметизировались в надежде на спасательную группу. Когда поняли, что их спасти не собираются, попытались выбраться сами, и тогда произошёл взрыв станции переноса. Результаты вы видели: это те самые беспорядочно летающие куски земной породы. Там сильнейший магнитный фон и по сей день. Прекрасная картина получилась, не правда ли?

Иногда во время беседы в душу закрадывалось подозрение о психическом здоровье этого человека. Так невероятны оказались описываемые события...

– А эти скелеты здесь откуда, в таком случае? Почему бункер цел и полностью функционирует, несмотря на аварию? И ещё вопрос: получается, что там, ну, у вас, весь этот гадюшник так же просто откопировался? Но они ведь должны были об этом знать, и тогда с какого перепугу высылали бы спасателей? Почему на вас бейдж уборщика, если вы занимали такую высокую должность? И вообще, не понимаю, на хрена вся эта затея, если там даже ничего не заметили?

– Ха! Ещё как заметили! И авария эта рукотворна, потому бункер цел, и бейдж этот тоже поэтому.

– Подожди, соображу. Давай по порядку.

– Те, кто тут остался, охрана и обслуживающий персонал, их попросту бросили. Ты не заметил, что, ну, уж слишком мало трупов для такой огромной территории?

– Да, заметил, но не придавал этому особого значения.

– Ага, а вот это зря. Так, что ты там следующее спрашивал?

– Почему бункер цел?

– А, ну, это просто. Всё потому же, почему и телепорт взорвался. Я закрыл шлюзы и отсёк их от нас, а бейдж уборщика, ну, мне же надо было как-то в толпе и панической суете затеряться, чтобы проникнуть на территорию телепорта и запустить программу самоликвидации.

– Неужели вас в лицо не могли узнать?

– Могли, конечно, но ты же видел, как носятся крысы, когда пахнет жареным? – кровавая ухмылка расплылась на всё лицо рассказчика, – а я видел и ещё тыщу раз поглядел бы на это с превеликим удовольствием если бы мог самостоятельно включать запись того дня с камер наблюдения. Одно только плохо: разгерметизировать я не успел вовремя, и все, кто остались, задохнулись. Все, кроме меня и ещё нескольких человек.

– Почему так? Помещение, действительно, огромное, вам же тут воздуха на несколько дней, как минимум, должно было хватить.

– Да. Если бы газ не пустили, то хватило бы. А я додумался прихватить из медблока кислородный баллон с маской. На это мозгов хватило ещё у пятерых. Восстановив вентиляцию, трое всё же обратились, а мы с Рамусом оказались иммунны. Тут восемьсот сорок шесть трупов, ну, не считая той свалки, которую вы вчера устроили. Так вот, из восьмиста сорока шести человек выжило только двое, и один из них – я. Вот, представляешь, шутка Фортуны какая, прямо, как издёвка. – Дед снова усмехнулся. – Проклятый Стикс наградил меня иммунитетом. Меня... а моего сына – нет...

Просидев немного взаперти, мы решили выбраться наружу. Зачем, спросишь? Колонию поселения создать задумали. Решили набрать иммунных, вытащив их из города и поселить в Бункере. Это было сродни инстинкту: человек – скотина стадная.

– Ну, вам, вообще-то по-любому, на поверхность нужно было. Как же вы от спорового голодания-то не загнулись?

– От какого голодания? А-а-а, да не! – Отмахнулся он рукой. – Ерунда! Этого добра, как вы их там называете, – задумался, видимо, вспоминая, – спораны, жемчуг и остальные части мутантов, вон в медскладе ящиками стоят. А во фреоне ещё и заморозка, наверное, сохранилась. Вы бы, кстати, глянули, может, чего и вам пригодится. Мне-то оно уже давно ни к чему, а вам надо. Вот и забирайте, всё равно, испортится рано или поздно дребедень разная.

Я слушал и не верил своим ушам... Ну, да, а чего я собственно-то удивляюсь, если они нас, как овощи выращивали, а потом выходили в теплицы собирать урожай... Мда, и смех, и грех, однако, получается... о-о-ойи-ё-о-о-о, – ухватился за голову, не на шутку опасаясь, что сейчас мозги расплавятся и вытекут, к чёртовой матери, через уши.

– Что, тяжело организму? – усмехнулся призрак. – Ну, что, дальше рассказывать, или хватит?

– Не-не, давай дальше. – Я от души приложился к фляге с живчиком, а потом и с водой. После чего намочил платок и обтёр лицо.

– Хух... вроде, полегчало. Ладно, давайте продолжать.

– Ну вот, так как единственный выход я, благополучно заблокировав, уничтожил, то, выбрав наименьшую толщину почвы до поверхности, мы начали копать туннель.

– Так, значит, это вы его вырыли? Раз вырыли, значит, выбрались?

– Выбрались, выбрались, вот только вернулся я один и еле живой. Ни один из нас оружия никогда ранее в руках не держал, как ты заметил, оно тут не работает, вот и результат – девять трупов, а мне, снова повезло. Напавший на нас лотерейщик, ударив наотмашь, попросту выкинул моё тело в мусорный бак, где под слоем нечистот, видимо, и искать не стал, наевшись теми, кто остался. Я очнулся глубокой ночью и, словно крыс, весь израненный, крался под стенами домов, пока, наконец, не покинул городской участок. Добравшись до Бункера, больше его не покидал... до самой смерти.

Я терпеливо ждал продолжения. Дед немного поёрзал на ящике и покосился оценивающе на энергетическую нить.

– Бессмертие, – продолжил он, – штука хорошая, но этот проклятый тремор... кто его придумал и зачем... Нет, зачем, я, конечно же, знаю, это чтобы вы по норам не забивались. Ну, вот, из-за этой трясушки я и попёрся на соседний кластер, спустя три месяца, и благополучно был сожран малолетним мутантом, который откуда-то выпрыгнул прямо на мою голову.

Призрак замолчал. Наверное, снова переживая тот момент в воспоминаниях.

– Ну, а как насчёт целесообразности вашего поступка? – всё же я не выдержал затянувшейся паузы.

– А-а, ты о копии вот этого, – обвёл он взглядом помещение. – Нет, это оригинал.

Я задумался, потом спросил:

– Тогда где город? Как я понял, он располагался прямо над Бункером?

– Большая часть жителей города даже не подозревают о существовании подземных строений и их предназначении, только те, у кого есть сюда допуск, знают и то, далеко не всё. К примеру, моя жена даже не догадывалась об истинном процессе попадания и выращивания биоматериала и, тем более, о разумной жизни в Стиксе, хотя, и работала на минус шестом этаже. И многие так: каждый занимался строго своей работой и не знал о работе другого, даже мужа или сына. Это было одно из условий в контракте. За нарушения условий – смерть, поэтому и любопытных не было.

– Так о чём я? А, вспомнил... Зачем губить невиновных людей? Вот я и перенёс только подземную часть, а наземная осталась на месте. Хотя, в городе и оставалось самое главное начальство, но я не решился на такой шаг.

– Ну, тогда город провалился бы в образовавшуюся пустоту. Разве нет?

– Нет, – усмехнулся дед. – Я ведь не дурак. Перемещение с замещением. Площадь на площадь. Сюда бункер, а туда – почву. Вот там, наверное, удивились, когда такая громадина исчезла, – призрак рассмеялся, как простуженная гиена. Как бы я хотел видеть их хари в тот момент! А сколько народу пропало! Ты знаешь, сколько людей тут было?! Три тыщи семьсот тридцать один! – Продолжал он веселиться. – А сколько их в теплицах на тот момент было?! Ещё девятьсот сорок три человека! И все там и остались! – Гордо хвастал он цифрами.

«Хренов математик» – хмыкнул я в душе, не зная ненавидеть этого человека или спасибо сказать.

Отсмеявшись, дед, наконец-то, успокоился и, приняв серьёзное выражение лица, спросил:

– Ну, что, продолжать, или хватит с тебя?

– Не, давай, передохнём немного. У меня сейчас такая каша в голове... – я болезненно поморщился, разминая виски. – А мне всё это ещё друзьям пересказывать.

Убрав призраку подпитку, я сообщил Мухе, что с сеансом временно закончено, и прилип к фляге с живцом.

«Ох, что-то опять я налёг на него не хило, как бы боком потом не вылезло, – думал я, пока пил, и ещё заметил, с какой тоской дед посмотрел на меня. – Интересно, с чего это он?»

– Ну, ты зови, как надумаешь продолжить. Мне ещё много чего есть тебе рассказать. – Алчно покосился он на моё солнечное сплетение, чуть ли не облизнувшись.

– Как ваше имя? – Вспомнил я, что так и не познакомился с призраком по-человечески.

– Фаргас.

– А по отчеству?

– Просто Фаргас. Ты не смотри на лицо, в жизни я выглядел не старше тебя, несмотря на свой почтенный возраст. А это, просто состояние души. Ладно, иди, вон, скреббер уже топчется в нетерпении. – Дед передёрнул плечами, как от холода, и исчез.

Глава 5

Шалман.

– Минимальная ставка – два спорана! – прокуренным голосом прозвучало из громкоговорителя.

– На кого ставить будешь? – вкрадчиво поинтересовался мужичок с крысиным лицом.

– Да на пустыша, – усмехнулся Базиль. – На твоего свежака ставить – только терять, глянь на него! Ха! Да он и штаны уже обмочить успел! – заржал бородатый здоровяк, бросив презрительный взгляд на молодого парня.

Тот сидел, забившись в угол «октагона», колотился весь от крупной дрожи и размазывал земляную пыль, превращая её в грязь по мокрым, голубым джинсам, ёрзая и пытаясь всем телом вжаться в сетку ограждения ещё плотнее, затравленно озираясь на происходящее.

– Обижаешь, Базиль. Посмотри, паренёк крепкий, заломает он пустыша, вот увидишь!

– Да скорее мой щенок завалит, чем твой боец! – хохотнул здоровяк и поддёрнул за шкуру шуплого пацанёнка.

– Споришь?! – тут же оживился крысоподобный.

Базиль немного стушевался и как бы оценивающе поглядел на пацана.

– Слышали?! – тут же заголосил крысоподобный, почуяв хороший куш. – Базиль выставил на арену бойца в паре с моим, заявив, что его дохлик выйдет победителем! Или ты это так, абы ляпнуть? – ехидно спросил он, уже не крича, но достаточно громко, чтобы услышали многие.

– А в ебучку?! – взбесился, но сдержался бородатый. – Ты что, меня звонарём выставить хочешь? Рамсы попутал, ёжик бритый?!

И, развернувшись в сторону арены, вроде как нечаянно, пихнул мужичка так, что тот, пошатнувшись, сделал несколько вынужденных шагов назад.

– Ага, посмотрим, кто последний похочет, – злорадно, с гаденькой улыбкой, бросил он в спину Базилью.

Остановившись около самодельной железной двери, здоровяк присел на корточки и, взяв мальчишку за плечи, заглянул тому в глаза, с минуту что-то там разглядывая, тряхнул пацана.

– Сможешь! Да! Вижу, что сможешь! Смотри, я на тебя десять гороха поставлю, не подкачай. – И сняв с пояса здоровенный тесак, сунул пацану в руки.

– Э-э-э! Так нельзя! – визгливо завопил хозяин первого бойца. – Базиль! Ты, ведь, знаешь правила, на пустыша – только с голыми руками!

– Ты ах-ху-ел, Кидис?! – зарычал Базиль, нависая сверху. – У щенка весовая категория не та! – буравя взглядом мужичка, указал пальцем на Взрывника, который прижал к груди тесак, как последний шанс на жизнь.

– Только бы не отобрали, – думал мальчик, глядя, как заспорили между собой борзые мужики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.